

МАСТЕРА УЖАСОВ

ГРЕЙДИ ХЕНДРИКС

РУКОВОДСТВО ПО ИСТРЕБЛЕНИЮ ВАМПИРОВ

ОТ КНИЖНОГО КЛУБА ЮЖНОГО ОКРУГА

Грейди Хендрикс
Руководство по истреблению
вампиров от книжного
клуба Южного округа
Серия «Мастера ужасов»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68416580

*Руководство по истреблению вампиров от книжного клуба Южного
округа: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-139442-4*

Аннотация

Патриция Кэмпбелл – образцовая жена и мать.

Ее жизнь – бесконечная рутина домашних дел и забот. И только книжный клуб матерей Чарлстона, в котором они обсуждают истории о реальных преступлениях и триллеры о маньяках, заставляет Патрицию чувствовать себя живой. Но однажды на нее совершенно неожиданно нападает соседка, и на выручку приходит обаятельный племянник нападавшей. Его зовут Джеймс Харрис. Вскоре он становится любимцем всего квартала. Его обожают дети, многие взрослые считают лучшим другом. Но саму Патрицию что-то тревожит. Когда же в городе начинают пропадать подростки, а пожилую даму заживо съедают крысы, становится ясно, что в Чарлстон пришло что-то злое. Оно

не остановится, обязательно прольется кровь, и многие в ней утонут.

Содержание

Предисловие автора	6
Пролог	8
Плачь, любимая страна	10
Глава 1	10
Глава 2	27
Helter skelter	49
Глава 3	49
Глава 4	62
Глава 5	74
Глава 6	86
Глава 7	95
Глава 8	111
Мосты округа Мэдисон	127
Глава 9	127
Глава 10	143
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Грейди Хендрикс Руководство по истреблению вампиров от книжного клуба Южного округа

Аманде.

Где бы ни были все частички тебя...

Grady Hendrix

THE SOUTHERN BOOK CLUB'S GUIDE TO SLAYING
VAMPIRES

First published in English by Quirk Books, Philadelphia

Copyright © 2020 by Grady Hendrix

© Татьяна Зельдович, перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Предисловие автора

Несколько лет назад я написал книгу под названием «Изгнание дьявола из моей лучшей подруги» — о двух девочках-подростках из города Чарлстон, что в Южной Каролине. Действие романа происходит в 1988 году, на пике сатанинской паники. Героини верили, что одна из них одержима бесом, и конец той истории оказался весьма трагичен.

Роман написан от лица подростков, и родители в нем выглядят ужасными, как, впрочем, они и выглядят с точки зрения детей переходного возраста. Сейчас перед вами иная версия подобной истории. Рассказанная с точки зрения родителей, она повествует о том, насколько беспомощными чувствуют себя взрослые, когда их дети в опасности. Я захотел написать о таких родителях, и появилось «Руководство по истреблению вампиров от книжного клуба Южного округа». Это не продолжение «Изгнания дьявола из моей лучшей подруги», но действие происходит несколько лет спустя в том же районе, где я вырос.

Будучи ребенком, я не относился серьезно к своей матери. Она была домохозяйкой и состояла в книжном клубе. И она, и ее подруги вечно носились с какими-то поручениями, возили нас в школу и заставляли следовать каким-то бессмысленным правилам. Эти женщины казались мне легкомысленными, как букетик одуванчиков. Сейчас мне ясно, сколько

всего делали они такого, о чем я не имел ни малейшего понятия. Они принимали на себя все удары, чтобы мы могли беззаботно скользить по жизни, и это удел всех родителей: испытывать боль, от которой нужно уберечь своих детей.

А еще эта книга о вампирах. Том самом американском архетипе вампира, что бродит из города в город в ковбойских джинсах, существе без прошлого, без всяких привязанностей. Вспомните Джека Керуака, Шейна, Вуди Гатри. Вспомните Теда Банди¹.

Ибо вампиры – это серийные убийцы, свободные от всего, что делает нас людьми: друзей, семьи, корней и детей. Все, что у них есть, – это голод. Они жрут и жрут, но никогда не наедаются. В этой книге я хотел противопоставить сущность, лишенную всякой ответственности и привязанности (ну, если не считать привязанности к своему аппетиту), и женщин, чья жизнь состоит из сплошных обязанностей и привязанностей. Я хотел показать противостояние Дракулы и моей мамы.

И, как вы увидите, бой не был равным.

---

¹ *Джек Керуак* (Jack Kerouac; 12.03.1922–21.10.1969) – писатель, поэт, важнейший представитель литературы «бит-поколения»; *Шейн* (Shane) – герой одноименного фильма 1953 года, производства студии Paramount Pictures, немногословный, но весьма искусный стрелок с таинственным прошлым; *Вудро Уилсон Вуди Гатри* (Woodrow Wilson «Woody» Guthrie; 14.07.1912–03.10.1967) – американский певец, музыкант, представитель направлений фолк- и кантри-музыки; *Теодор Роберт (Тед) Банди* (Theodore Robert Ted Bundy; 24.11.1946–24.01.1989) – американский серийный убийца, насильник, похититель людей и некрофил, действовавший в 1970-е годы. – Здесь и далее прим. ред.

Пролог

Эта история заканчивается кровью.

Любая история начинается с крови: вопящий младенец извергается из материнского чрева, перепачканный слизью и доброй квартой крови. Но в наши дни не так много историй заканчивается кровью. Обычно это возвращение в больницу и тихая чистая смерть в окружении аппаратов. После инфаркта, случившегося на подъездной дорожке, или от апоплексического удара, что произошел на заднем крыльце дома, или это медленное угасание от рака легких.

Эта история началась с рождения пяти девочек. Каждую из малышек отмыли от материнской крови, насухо вытерли и превратили их в достойных молодых леди, прошедших «курсы хороших жен», дабы стать достойными супругами и ответственными родительницами – матерями, которые помогают с уроками, кормят и обстирывают; матерями, что состоят в церковном кружке любителей цветов и нагло плутуют, играя в карты; теми, что учат своих детей танцевать котильон и отправляют их в частные школы.

Вы видели таких женщин. Встречаясь во время обеда в ресторане, они смеются достаточно громко, чтобы все слышали их смех. Они глупеют после первого же бокала вина. Самый большой риск в их жизни – покупка на Рождество пары светящихся сережек. Они испытывают настоящую аго-

нию, прежде чем заказать десерт.

Они подобны всем глубокоуважаемым членам общества, чьи имена могут появиться в газетах лишь трижды: по случаю их рождения, свадьбы и смерти. Они великолепные хозяйки. Они милосердны к тем, кто менее удачлив в жизни. Они почитают своих мужей и воспитывают своих детей. Они понимают, почему необходимо ежедневно пить чай из китайского фарфора, со всей ответственностью принимают в наследство прабабушкино серебро и высоко ценят хорошее постельное белье.

К концу нашей истории все они будут в крови. Частично своей. Частично чужой. Но кровь будет с них течь. Они будут плавать в крови. Утонут в ней.

Плачь, любимая страна

Ноябрь 1988 года

Глава 1

1988 год. Джордж Буш-старший только что выиграл президентские выборы, пригласив всех читать по его губам², в то время как Дукакис их проиграл, разъезжая на танке. Доктор Хакстейбл³ был американским отцом, Кейт и Элли⁴ – американскими мамочками, а «золотые девочки»⁵ – бабушками; McDonald's объявил об открытии первого ресторана в Совет-

---

² *«Читайте по губам: новых налогов не будет»* (Read my lips: no new taxes) – Джордж Буш-старший произнес эту фразу 18 августа 1988 года в Новом Орлеане на выдвижении кандидатом в президенты от республиканцев. Резкий рост налогов после его прихода к власти стал одной из причин, по которой он проиграл следующие выборы.

³ *Доктор Хакстейбл* (Dr. Heathcliff Huxtable) – персонаж, созданный американским комиком Биллом Косби для ситкома «Шоу Косби», хита 1980-х годов. Один из первых успешных проектов, где в главных ролях были афроамериканцы.

⁴ *«Кейт и Элли»* (Kate & Allie) – ситком, шедший на телеэкранах США с марта 1984 по май 1989 года со Сьюзан Сент-Джеймс и Джейн Кертин в главных ролях, о двух разведенных женщинах с детьми, живущих в одном доме.

⁵ *«Золотые девочки»* (The Golden Girls) – американский ситком, выдержавший семь сезонов, о четырех дамах преклонного возраста (в главных ролях Беатрис Артур, Бетти Уайт, Ру Макклэнахан и Эстель Гетти), проживающих в одном доме в Майами.

ском Союзе, все покупали книгу Стивена Хокинга «Краткая история времени» и не читали ее, на Бродвее начались показы «Призрака оперы», а Патриция Кэмпбелл приготовилась умереть.

Она сбрызнула волосы лаком, надела сережки и нанесла помаду, но, посмотрев на свое отражение в зеркале, увидела не тридцатидевятилетнюю домохозяйку с двумя детьми и блестящим будущим, а портрет мертвеца. О, лучше бы разразилась война, воды океана вышли из берегов или Земля упала на Солнце! Сегодня очередное собрание Гильдии книголюбов Маунт-Плезант, а Патриция не прочитала произведение этого месяца! Хуже того, именно она должна была вести дискуссию этим вечером. Менее чем через полтора часа ей предстояло предстать перед залом, заполненным дамами, и вести беседу о романе, с которым она так и не удосужилась ознакомиться.

Она действительно – ну честно-пречестно! – собиралась прочесть «Плачь, любимая страна», но каждый раз, когда брала книгу в руки и начинала читать: «От Ицкопо в горы ведет чудесная дорога...» – Кори на полной скорости плюхалась вместе со своим велосипедом с причала, потому что думала, что если достаточно сильно крутить педали, то можно кататься по воде; или поджигала брату волосы, так как проводила эксперимент, насколько близко можно поднести к ним спичку, прежде чем они загорятся; или же на протяжении выходных сообщала всем звонившим, что ее мама не

может подойти к телефону, так как она умерла, и Патриция узнала об этом, лишь когда на крыльце появились люди с пирогами и соболезнованиями.

Едва Патриция собиралась узнать, чем же дорога, пролегающая через Ицкопо, была столь чудесна, как в лучах заходящего солнца замечала Блю, скачущего по заднему крыльцу с голой попкой; или необычайная тишина в доме настораживала и заставляла вспомнить, что сын остался в центральной городской библиотеке, и горе-матери ничего не оставалось, как мигом прыгнуть в «вольво» и мчаться через мост, молясь, чтобы ребенка не украли какие-нибудь придурки или чтобы он не решил проверить, сколько изюминок может поместиться в его носу (на самом деле она уже давно знала это число – двадцать четыре).

Она даже не успела понять, где вообще расположен этот Ицкопо, потому что ее свекровь, Мисс Мэри, нагрянула к ним с шестинедельным визитом и в комнате-из-гаража пришлось постоянно менять полотенца и простыни на гостевой кровати; затем оказалось, что Мисс Мэри испытывает затруднения с подъемом из ванны и нужно срочно оборудовать ее перилами, отыскав, кто их установит; потом пришлось перестирать целую кучу детской одежды и белья и погладить мужу рубашки, так как Картер любит менять их каждый день; еще Кори затребовала у родителей новые футбольные бутсы, потому что вся команда уже носит такие, но Кэмпбеллы действительно в настоящий момент не могли себе

этого позволить; а Блю ел только белую пищу, и каждый день нужно было варить рис, и потому дорога из Ицкопо в горы так и пролегла без какого-либо участия со стороны Патриции.

В свое время идея присоединиться к Гильдии любителей книг Маунт-Плезант показалась ей довольно удачной. Патриция поняла, что пора выбраться из дома и начать общаться с другими людьми, в тот момент, когда за ужином наклонилась над тарелкой босса Картера и попыталась разрезать ему стейк. Вступить в читательский клуб имело смысл еще и потому, что Патриция очень любила читать, особенно детективы. Картер вообще полагал, что вся ее жизнь сплошная мистика, и жена не спорила с ним: «Патриция Кэмпбелл, или Тайна приготовления завтрака, обеда и ужина, ежедневно, семь дней в неделю, не теряя рассудка», «Патриция Кэмпбелл, или Случай с пятилетним ребенком, который все еще продолжает кусаться», «Патриция Кэмпбелл, или Секрет того, как найти время для двух детей, живущей с тобою све-крови, стирки, глажки, готовки, уборки дома, собаки, которой нужно давать пилюли от сердечных червей⁶, и при этом успевать мыть голову хотя бы один раз в несколько дней, чтобы дочь не начала спрашивать, почему ее мать выглядит как бомж». Несколько осторожных расспросов, и она была тор-

---

⁶ *Сердечные черви* (*Dirofilaria immitis*) – паразиты хищных млекопитающих, преимущественно собак. Обитают в кровеносных сосудах легких и в правом желудочке сердца. Заболевание может протекать в тяжелой форме и приводить к гибели животного.

жественно приглашена принять участие в своем первом заседании литературной Гильдии Маунт-Плезант в дом Марджори Фретуэлл.

Порядок выбора книг на год в гильдии был весьма демократичен: члены клуба выбирали одиннадцать из тринадцати, которые считала подходящими Марджори Фретуэлл. Затем она спрашивала, хочет ли кто-нибудь порекомендовать какие-либо другие книги, но все понимали, что это был риторический вопрос. Пожалуй, все, кроме Слик Пейли. Она хронически не понимала намеков и не умела читать между строк.

– Я бы хотела предложить «Как агнец на заклание: Ваш ребенок и оккультизм», – говорила, например, Слик. – На бульваре Коулмана открылся магазин с магическими кристаллами, а в «Тайм» прямо на обложке Ширли Маклейн рассказывает о своих прошлых жизнях, поэтому нам лучше изучить тему. Предупрежден – значит вооружен.

– Никогда о ней не слышала, – отвечала Марджори. – Поэтому полагаю, что она не относится к интересующим нас великим книгам Западного мира. Кто-нибудь еще?

– Но... – пыталась возразить Слик.

– Кто-нибудь еще? – снова повторяла Марджори.

Они выбирали книги из списка, который составляла для них Марджори, читали одну из них в месяц, который Марджори считала наиболее подходящим, и голосовали за ведущего дискуссии, который более других соответствовал ду-

ху книги, по мнению Марджори. Обычно ведущий открывал собрание двадцатиминутной презентацией о книге, истории ее написания, о жизни и творчестве автора, затем вел общую дискуссию. Ведущий дискуссии не мог по своей воле отменить собрание или поменяться с кем-либо книгами. Любое нарушение каралось довольно серьезным штрафом, так как члены Гильдии любителей книг Маунт-Плезант собирались не для того, чтобы валять дурака.

Когда стало совершенно очевидно, что ей не суждено прочитать «Плачь, любимая страна», Патриция позвонила Марджори.

– Марджори, – выдохнула Патриция в телефон, накрывая рис крышкой и убавляя газ. – Это Патриция Кэмпбелл. Мне надо поговорить с тобой по поводу книги «Плачь, любимая страна».

– Очень сильная вещь, – сказала Марджори.

– Да, конечно.

– Я уверена, ты воздашь ей по справедливости.

– Сделаю все, что в моих силах, – отозвалась Патриция, понимая, что это в корне противоречит тому, что она на самом деле хотела сказать.

– И она как нельзя лучше подходит к тому, что происходит сейчас в Южной Африке.

Патрицию бросило в холодный пот: а что происходит сейчас в Южной Африке?

Повесив трубку, она обозвала себя трусихой и дурой и

покаялась сходить в библиотеку и посмотреть, что пишут о «Плачь, любимая страна» в «Справочнике мировой литературы», но пришлось срочно готовить перекус для футбольной команды Кори, няня Блю сообщила, что у нее мононуклеоз, Картера зачем-то срочно послали в Колумбию, и нужно было упаковывать его чемодан, из туалета в гаражной комнате выползла змея, которую следовало выследить и забить граблями, потом Блю выпил отбеливатель, и пришлось нестись с ним в больницу, опасаясь, что он умрет (не умер). Патриция попыталась найти какой-нибудь материал об Алане Пэйтоне⁷, авторе книги, в их «Всемирной книжной энциклопедии», но оказалось, что в ней отсутствует том с буквой «П». Патриция отметила про себя, что им нужна новая энциклопедия.

Раздался дверной звонок.

– Ма-а-а-а-ам, – пропела снизу из прихожей Кори. – Пицца приехала!

Дальше отступить было некуда. Пришло время предстать перед Марджори.

Марджори раздала всем газетные вырезки:

– Это всего несколько статей о том, что творится сейчас в Южной Африке, включая недавние неприятности в Фандер-

---

⁷ Алан Стюарт Пэйтон (Alan Stewart Paton, 11.01.1903–12.04.1988) – южноафриканский писатель и политик, активист движения против апартеида. Опубликованный в 1948 году антирасистский роман «Плачь, любимая страна» (Cry, The Beloved Country) – первая книга автора.

бейлпарке⁸. Но я думаю, Патриция все прекрасно резюмирует для нас в своем вступительном слове к дискуссии о книге Алана Пэйтона «Плачь, любимая страна».

Все повернулись и уставились на Патрицию, которая, ни жива ни мертва, сидела на огромном бело-розовом диване Марджори. Не зная о дизайне ее гостиной, Патриция, как назло, в этот день надела платье с цветочным принтом и была уверена, что все видят только ее голову и руки, парящие в воздухе сами по себе. Она жалела, что не может полностью втянуть их в свое платье и совсем скрыться из виду. Она ощутила, как ее душа медленно покинула тело и воспарила к потолку.

– Но прежде, чем мы начнем, – внезапно продолжила Марджори, и все головы вновь повернулись к ней, – давайте почтим минутой молчания память Алана Пэйтона. Его уход в начале этого года потряс весь литературный мир так же сильно, как он потряс и меня.

Мысли в голове Патриции замесались: писатель умер? Со всем недавно? В газетах об этом ничего не было. Что она могла сказать? Как он умер? Убит? Разорван дикими собаками? А может, инфаркт?

– Аминь, – закончила Марджори. – Патриция?

Душа Патриции решила, что она не дура, и отправилась

---

⁸ *Фандербейлпарк* (африк. Vanderbijlpark) – город в ЮАР, в провинции Трансвааль, у реки Вааль, вблизи Ференигинга. Очевидно, автор имеет в виду события войны за независимость Намибии и Анголы (1975–1991), в которой принимали участие войска ЮАР, Кубы и СССР.

в мир иной, оставляя телесную оболочку на растерзание заполнившим комнату женщинам. Среди них была Грейс Кавана, которая жила через два дома от Кэмпбеллов, при этом общались они с Патрицией лишь однажды, когда соседка, поднявшись на ее крыльцо, позвонила и спросила: «Простите за беспокойство, но вы живете здесь уже полгода, и я просто вынуждена поинтересоваться: вы намеренно придаете своему двору такой затрапезный вид?»

Слик Пейли не отводила от Патриции острого лисьего личика, крошечные глазки быстро-быстро мигали, ручка замерла над открытой записной книжкой. Луиза Гиббис откашлялась. Каффи Уильямс достала бумажный платочек и медленно высморкалась. Взгляд Сейди Фанч, наклонившейся вперед и покусывающей сырную соломинку, отражал скуку. Единственной, кто не смотрел на Патрицию, была Китти Скраггс. Ее глаза были устремлены на бутылку вина, что красовалась посередине кофейного столика и которую никто не осмеливался открыть.

– Ну... – неуверенно начала Патриция. – Разве есть среди вас кто-то, кому не понравился роман «Плачь, любимая страна»?..

Сейди, Слик и Каффи одновременно кивнули. Патриция взглянула на часы – семь секунд от ее выступления прошло. Она чувствовала, как медленно идет время. Она затянула паузу, тщетно надеясь, что кто-нибудь вмешается и что-нибудь скажет, но тишина лишь заставила Марджори еще раз повто-

ритель:

– Патриция?

– Так печально, что смерть унесла Алана Пэйтона во цвете лет и он не написал еще больше таких же прекрасных романов, как «Плачь, любимая страна», – проговорила Патриция, ощущая, как слова сами собой льются из ее рта, подбадриваемые кивками слушательниц. – Так как эта книга рассказывает нам о таких современных, актуальных событиях, подобных тому ужасу, что происходит прямо сейчас в Фаре... Фрайе... в Южной Африке.

Кивки слушательниц стали более энергичными. Патриция почувствовала, как ее душа возвращается в тело. Она уселась поудобнее и продолжила:

– Я хотела рассказать вам все о жизни Алана Пэйтона. И почему он написал эту книгу, но все это не отразит глубину этой истории, того, как сильно она тронула меня, как, читая ее, я ощутила неудержимый гнев, что рвался из моей груди. Эта книга, которую понимаешь сердцем – не разумом. Кто-нибудь еще почувствовал нечто подобное?

Все в гостиной согласно закивали.

– Точно так, – поддакнула Слик Пейли. – Точно так.

– Я так горячо сочувствую Южной Африке. – Патриция внезапно вспомнила, что муж Мэри Брэсингтон – банкир, а муж Джоани Витер занимается чем-то на фондовом рынке, следовательно, оба они могли быть инвесторами предприятий Южной Африки. – Но я знаю, что этот вопрос можно

рассмотреть с разных сторон, поэтому мне интересно, может, кто-нибудь хочет высказать другую точку зрения? Это будет совершенно в духе романа мистера Пэйтона – поговорить о нем, а не выслушивать лишь мой долгий монолог.

Все активно закивали. Душа окончательно обосновалась в теле Патриции. Она сделала это. Она жива. Марджори прочистила горло.

– Патриция, как ты думаешь, могла бы книга поведать нам что-то об идеях Нельсона Манделы?

– Он явно вдохновил автора на ее создание. Его дух довлеет над всем произведением, хотя здесь он лишь мимолетно упомянут.

– Не думаю, что это так, – сказала Марджори, и Слик тут же перестала кивать. – Где вы видели упоминание о нем? На какой странице?

Душа Патриции вновь начала свое медленное воспарение к небесам. «Прощай, – сказала она. – Прощай, Патриция. Теперь ты сама по себе...»

– Его дух свободы?.. – пролепетала Патриция. – Он витает над каждой страницей?..

– Когда писалась эта книга, Нельсон Мандела был всего лишь студентом юридического факультета и новичком в рядах АНК⁹. Я не уверена, что его дух мог появиться где-либо

---

⁹ *Африканский национальный конгресс* (АНК) – политическая партия Южно-Африканской Республики. Она была правящей партией Южной Африки после апартеида с момента избрания Нельсона Манделы в 1994 году, побеждая с тех пор на всех выборах.

в этой книге, не говоря уже о каждой странице.

Марджори чуть не просверлила в Патриции дыру ледяными буравчиками своих глаз.

– Ну... – прохрипела Патриция, к этому моменту она была уже мертва, и чувство смерти вызывало у нее сильную сухость во рту. – Его намерения... Мы можем почувствовать это по структуре. Этой книги. Которую прочитали.

– Патриция, – спросила Марджори. – Ты ведь не читала книгу, не так ли?

Время остановилось. Никто не двигался. Патриции хотелось солгать, но годы воспитания заставляли ее оставаться леди.

– Совсем немного.

Марджори испустила душераздирающий вздох, который, казалось, длился целую вечность.

– Где же ты остановилась? – наконец спросила она.

– На первой странице... – пролепетала Патриция и начала торопливо оправдываться: – Простите, я знаю, что подвела вас, но оказалось, что у няни моноклеоз, мама Картера остановилась у нас в гаражной комнате, а из-под сиденья унитаза выползла змея, и вообще все в этом месяце шло наперекосяк. Я действительно не знаю, что и сказать, кроме как то, что очень и очень извиняюсь.

Все вокруг начала окутывать тьма. В правом ухе раздался пронзительный звук.

– Что ж, – сказала Марджори. – Ты единственная, кто ока-

зался в проигрыше, лишив себя возможности ознакомиться с, пожалуй, одной из самых прекрасных книг мировой литературы. И ты лишила всех нас удовольствия выслушать твое мнение по поводу прочитанного. Но что сделано, то сделано. Кто-нибудь другой хочет вести сегодняшнюю дискуссию? – Сейди Фанч, как черепаха, спряталась в свое платье от Лоры Эшли, Нэнси Фокс принялась трясти головой еще до того, как Марджори закончила свой вопрос, а Каффи Уильямс застыла, словно беспомощный зверек под взглядом грозного хищника. – Кто-нибудь вообще читал книгу этого месяца?

Тишина.

– Поверить не могу, – проговорила Марджори. – Одиннадцать месяцев назад мы с вами договорились читать великие книги Западного мира, и теперь, менее чем через год, мы приходим к такому результату. Вы меня глубоко разочаровали. Я думала, что все мы хотим стать лучше, вывести наши мысли и желания за пределы Маунт-Плезант. Мужчины говорят: «Не слишком умно со стороны женщины быть умной», они смеются над нами, они считают, что в жизни нас не интересует ничего, кроме нашей прически. Единственные книги, что они оставляют нам, – поваренные, потому что, по их мнению, мы глупы, легкомысленны и ни на что другое не способны. И вы только что доказали, что они правы.

Она остановилась, чтобы перевести дыхание. Патриция заметила капельки пота, выступившие у нее над бровями. Марджори продолжила:

– Я настоятельно советую вам разойтись по домам и хорошенько подумать, хотите ли вы присоединиться к нам в следующем месяце, чтобы почитать «Джуда Незаметного» Томаса Харди и...

Грейс Кавана встала и перекинула ремешок сумочки через плечо.

– Грейс?.. – удивилась Марджори. – Ты уходишь?

– Я только что вспомнила о встрече. Совершенно выскользнула из головы.

– Ну, – осеклась Марджори, ее благородный порыв был сбит. – Не смею тебя задерживать.

– Я об этом и мечтать не могла.

И с этими словами высокая, элегантная, рано поседевшая Грейс выскользнула из комнаты.

Потеряв путеводную нить, собрание затихло. Марджори удалилась на кухню, сопровождаемая сочувствиями Сейди Фанч. Обескураженные дамы скучковались вокруг кофейного столика, тихо перешептываясь. Патриция затаилась на своем месте и, когда никто уже не смотрел в ее сторону, покинула гостиную.

Пересекая двор перед домом, она услышала нечто похожее на «эй!», остановилась и огляделась в поисках источника звука.

– Э-эй! – повторила Китти Скраггс, которая притаилась за рядом припаркованных на подъездной аллее автомобилей. Над ее головой витало голубое облачко дыма, меж пальцев

была зажата тонкая длинная сигарета. Рядом курила Мэриэллен Как-ее-там. Свободной рукой Китти помахала Патриции.

Патриция знала, что Мэриэллен – янки из Массачусетса, называющая себя феминисткой. Сама Китти была одной из тех крупных женщин, что предпочитают грубую пластиковую бижутерию и одежду, из милосердия называемую прочими представительницами прекрасного пола «эксцентричной», – мешковатые свитеры с аляповатыми рисунками. Патриция подозревала, что водить знакомство с подобными женщинами было первым шагом на скользком пути, который мог закончиться тем, что она на Рождество нацепит на себя плюшевые оленьи рога или будет приставать к людям у торгового центра «Цитадель» с просьбами подписать какую-нибудь петицию, поэтому она приблизилась к курящим с явной опаской.

– Мне понравилось то, что ты сегодня сделала, – сказала Китти.

– Мне следовало найти время, чтобы прочитать эту книгу.

– Зачем? Она жутко скучная. Я смогла кое-как прочитать лишь первую главу.

– Мне нужно написать Марджори записку. Извиниться.

Мэриэллен прищурилась сквозь дым, присосалась к своей сигарете и выдохнула:

– Марджори получила то, что заслужила.

– Послушай. – Китти повернулась спиной к дому на слу-

чай, если Марджори наблюдает в окно и умеет читать по губам. – В следующем месяце у меня соберется небольшая компания, чтобы поговорить об одной книжке, там будет и Мэриэллен.

– Я не думаю, что у меня найдется достаточно времени, чтобы посещать два книжных клуба, – сказала Патриция.

– Поверь, после того, что сегодня произошло, с клубом Марджори покончено.

– И какую книгу вы читаете? – спросила Патриция в поисках повода сказать «нет».

Китти засунула руку в джинсовую сумку, что висела у нее на плече, и достала дешевую книжонку в бумажном переплете, из тех, что продаются в аптеках.

– «Свидетельство любви: Истинная история страсти и смерти в пригороде», – показала она обложку.

Патриция была ошеломлена. Это была одна из низкосортных вещиц о реальных криминальных историях, и было совершенно очевидно, что Китти читала ее. Но разве можно сказать человеку, что у него дрянной вкус, даже если так оно и есть?

– Не совсем уверена, что это мне интересно, – пролепетала Патриция.

– Это про двух женщин, что были лучшими подругами, а потом порубили друг дружку топорами. И не притворяйся, что не хочешь узнать, почему это произошло.

– Джуд незаметен не просто так, – проворчала Мэриэллен.

– А вас только двое?

Сзади прозвучал писклявый, словно свисток, голосок.

– Всем привет! – Это была Слик Пейли. – О чем это вы тут болтаете?

Глава 2

Где-то в недрах коридоров Академии Албемарл прозвонел последний звонок, двойные двери раскрылись и извергли наружу толпу малышей, накрепко пристегнутых к пухлым, искривляющим позвоночник ранцам. Они, словно пожилые гномы, ковыляли к стоянке автомобилей, согнувшись в три погибели под тяжестью пособий, блокнотов на кольцах и учебников по обществознанию. Патриция увидела дочь и посигналила. Та радостно побежала к машине, смешно подпрыгивая на ходу, и от умиления у Патриции защемило сердце. Девочка плюхнулась на пассажирское сиденье, перекинув рюкзак с книгами себе на колени.

– Ремень, – напомнила Патриция, и Кори щелкнула замком.

– Почему ты заехала за мной сегодня? – спросила она.

– Подумала, что можно заскочить в обувной магазин и посмотреть бутсы. Разве ты не говорила, что тебе нужны новые? Потом я не прочь заглянуть в «Самый лучший йогурт»¹⁰.

Лицо ее дочери засветилось. И пока они ехали через мост Уэст-Эшли, Кори рассуждала о принципиальной разнице между бутсами, что купили другие девочки, и доказывала,

---

¹⁰ «Самый лучший йогурт» (The Country's Best Yogurt, TCBY) – сеть кафе по продаже замороженного йогурта.

что ей нужны именно с крепкими шипами, чтобы играть на жестком покрытии, а не те, в которых играют на мягком; и без разницы, что они в основном бегают на траве, бутсы с крепкими шипами позволяют бегать быстрее. Когда она на секунду остановилась, чтобы перевести дыхание, Патриция быстро проговорила:

– Я слышала, что произошло во время перемены.

Взгляд Кори тотчас потух, как будто ее выключили изнутри, и Патриция немедленно пожалела о том, что затронула эту тему, но она обязательно должна была что-то сказать – не это ли является основной задачей всех матерей?

– Не знаю, почему Челси стянула с тебя перед всем классом штаны, – сказала она. – Но с ее стороны это было отвратительно. Я обязательно позвоню ее матери, когда мы вернемся.

– Нет! – воскликнула Кори. – Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! Ведь ничего особенного не произошло. Подумаешь! Пожалуйста, мама!

Родная мать Патриции никогда ни в чем не вставала на ее сторону, и Патриция хотела, чтобы Кори поняла: это не было наказанием, это было то, что следовало сделать; но Кори отказалась идти в обувной магазин и пробормотала что-то насчет того, что ей вовсе не хочется замороженного йогурта, и Патриция с горечью осознала, что, пытаясь быть хорошей матерью, каким-то образом превратилась в злую ведьму Бастинду. Поворачивая на подъездную дорожку к дому, она

мертвой хваткой сжала руль, так как заметила белый «кадиллак» размером с небольшую лодку, загораживающий путь, и Китти Скраггс, стоящую на ступеньках крыльца, – вот уж кого она меньше всего хотела сейчас видеть.

– При-и-ивет! – пропела Китти, и от этого голоса у Патриции тут же свело зубы.

– Кори, это миссис Скраггс, – проговорила Патриция, натужно улыбаясь.

– Приятно познакомиться, – пробормотала Кори.

– Ты – Кори? – переспросила Китти. – Слышала, что малышка Донны Фелпс сделала с тобой сегодня в школе.

Кори стояла, низко опустив голову, волосы падали ей на лицо. Патриции хотелось сказать Китти, что она делает только хуже.

– В следующий раз, если Челси Фелпс попробует выкинуть нечто подобное, – начала Китти, приближаясь к ним словно большой пароход, – громко-громко, во всю мощь своих легких, прокричи: «Челси Фелпс в прошлом месяце ночевала у Мерит Скраггс, обоссала свой спальный мешок и свалила все на собаку!»

Патриция не могла поверить своим ушам. Она никогда не позволяла себе говорить что-либо подобное о чужих детях. Она повернулась к Кори сказать, чтобы она не слушала, но увидела, что та, широко распахнув глаза и открыв рот, в восхищении смотрит на Китти.

– Правда? – прошептала ее дочь.

– А еще она пукнула за столом и попыталась все свалить на моего четырехлетнего сына.

Остолбенев от услышанного, Патриция в первые минуты не знала, что и сказать, и тут Кори принялась хихикать. Она так смеялась, что не смогла более стоять на ногах и опустилась на ступени крыльца, начав икать.

– Пойди в дом и поздоровайся с бабушкой, – сказала Патриция, внезапно почувствовав сильную благодарность к Китти.

– Они так непредсказуемы в этом возрасте. – Китти проводила Кори глазами.

– Да уж, это так.

– Этакие маленькие бомбочки, которые надо запрятать в мешок и выпустить, только когда им стукнет восемнадцать. Держи, я привезла тебе это.

Китти протянула Патриции новенький экземпляр «Свидетельств о любви» в блестящей обложке.

– Я знаю, ты думаешь, что это макулатура. Но здесь есть всё: страсть, любовь, ненависть, жестокость, восторг и азарт. Это как Томас Харди, но только в мягкой обложке и с восемью страницами фотографий в середине.

– Ну, не знаю, – сказала Патриция. – У меня не так много времени...

Но Китти уже ретировалась к своей машине. Патриция решила, что этот мистический роман должен быть назван: «Патриция Кэмпбелл, или Неспособность сказать „Нет“».

К собственному изумлению, она проглотила книгу за три дня.

Патриция чуть было не пропустила собрание. Перед самым ее уходом Кори умылась лимонным соком, чтобы избавиться от веснушек, и, конечно, он попал ей в глаза. С диким визгом она влетела в прихожую и стукнулась лицом о ручку двери. Патриция промыла глаза дочери водой, положила пакет замороженного горошка на набухающую шишку и сказала, что в таком возрасте у нее тоже было много веснушек, наверное, даже больше, чем у Кори сейчас, потом усадила дочь вместе с Мисс Мэри смотреть «Шоу Косби». Выехать нужно было десять минут назад.

Китти жила на ферме Сиви, куске земли в две сотни акров, отрезанном от плантации Бун-холл, который давным-давно был передан в качестве свадебного подарка какому-то лорду-собственнику, а потом, в силу каких-то семейных неурядиц или неправильно принятых решений, участок унаследовала свекровь Киттиной свекрови, и, когда эта достопочтимая леди со всей присущей ей элегантностью отошла в мир иной, она оставила землю своему горячо любимому внуку Хорсу, мужу Китти.

Далеко в глуши, среди залитых водой рисовых полей и дремучего хвойного леса, окруженный развалинами хозяйственных построек, обитателями которых в настоящее время были лишь змеи, стоял на редкость уродливый старый особняк, покрашенный в шоколадный цвет, с просевшими кры-

лечками у каждой стены и гниющими колоннами, с енотами на чердаке и опоссумами в стенах. «Тем не менее, – подумала Патриция, – это один из тех величественных домов, пусть и находится он в полном упадке, которыми владели самые уважаемые семьи Чарлстона».

Сейчас она стояла перед массивной двойной дверью на расползающемся, поросшем травой переднем крыльце и давила на кнопку звонка. Ничего не происходило. Она надавила еще раз.

– Патриция!

Патриция огляделась, затем посмотрела вверх. Китти выглядывала из окна второго этажа и махала рукой.

– Иди за угол, к боковому крыльцу, – крикнула она. – Нам, похоже, никогда не отыскать ключ от этой чертовой двери.

Она встретила Патрицию у входа на кухню.

– Заходи. И не обращай внимания на кота.

Патриция не увидела нигде никакого кота, но она увидела то, что поразило ее до глубины души: кухня Китти выглядела катастрофически. Повсюду, на всех горизонтальных поверхностях, были разложены и разбросаны коробки из-под пиццы, книги, остатки фастфуда и купальные принадлежности. Со стульев свисали обложки журнала «Жизнь на Юге», а на столе красовались части разобранного мотора. По сравнению с этой кухня Патриции выглядела картинкой из модного журнала.

– Вот так выглядит жизнь с пятью детьми, – бросила ей

через плечо хозяйка дома. – Будь умницей, Патриция, останись на двух.

Нижний холл напоминал об «Унесенных ветром», разве что устремившаяся вверх лестница и дубовый паркет прятались под оползнем из скрипичных футляров, скрученных в клубки спортивных носков, беличьих чучел, летающих тарелок фрисби с эффектом свечения в темноте, корешков от парковочных талонов, разборных пюпитров, футбольных мячей, клюшек для лякросса, подставки для зонтиков, полной бейсбольных бит, и мертвого пятифутового каучукового дерева, засунутого в кашпо из отрезанной слоновьей ступни.

Китти уверенно прокладывала себе путь через весь этот бардак. Наконец она привела Патрицию в комнату, где на краю дивана, заваленного, наверное, пятью сотнями разнообразных подушек, уже ютились Слик Пейли и Мэриэллен Как-Там-Ее-Фамилия. Напротив них с безукоризненно прямой спиной на стульчике для пианино восседала Грейс Кавана. Самого пианино Патриция нигде не увидела.

– Отлично, – сказала Китти, разливая по кружкам вино из кувшина. – Давайте потолкуем о кровавом убийстве топорами.

– А не надо ли нам сначала придумать название? – подала голос Слик. – И составить список книг на год?

– Это не клуб любителей книг, – заявила Грейс.

– Что ты имеешь в виду, говоря «это не клуб любителей книг»? – не поняла Мэриэллен.

– Мы просто собираемся вместе, чтобы поговорить о романе в мягкой обложке, который нам всем довелось прочитать. И это вовсе не настоящая книга.

– Чем бы это ни было, Грейс, – сказала Китти, вручая всем по кружке с вином, – в этом доме живут пятеро детей, и еще восемь лет до того, как старший из них покинет эти стены. Если сегодня вечером у меня не состоится нормальный взрослый разговор, я свихнусь.

– Да, да, да, – подала голос Мэриэллен. – Три девицы: семь, пять и четыре.

– Четыре – такой милый возраст, – просюсюкала Слик.

– Да? – прищурилась Мэриэллен.

– Так мы – клуб или не клуб? – спросила Патриция. Ей нравилось знать наверняка.

– Да какая разница, клуб мы или не клуб? Лично мне наплевать, – сказала хозяйка. – Единственное, что мне хочется знать, так это за каким чертом Бетти Гор пришла к своей лучшей подруге Кэнди Монтгомери с топором и сама оказалась порубленной на куски.

Патриция посмотрела на других дам, желая узнать, что они думают по этому поводу. Мэриэллен в выцветших голубых джинсах, с перетянутыми резинкой волосами и хриплым голосом янки; крохотная Слик, которую остренькие зубки и глазки-бусинки делали похожей на энергичную мышку; Китти со взлохмаченными, как у медведицы, только пробудившейся после зимней спячки, волосами, в джин-

совой блузе с разбросанными по переду нотами из золотистых блесток, прихлебывающая вино из кружки; и, наконец, Грейс с пышным бантом у горла, прямо и неподвижно сидящая на своей табуретке с аккуратно сложенными на коленях руками и медленно, словно сова, моргающая глазами из-за стекол очков в крупной оправе.

Все эти женщины так сильно отличаются от Патриции. Это совсем не ее мир.

– Думаю, – произнесла Грейс таким голосом, что все непроизвольно выпрямились, – все это свидетельствует о поразительном отсутствии планирования со стороны Бетти. Если ты собираешься убить свою лучшую подругу топором, то надо хорошенько понимать, что ты делаешь.

Так начался разговор, и Патриция, сама не заметив как, присоединилась к нему. Двумя часами позже, когда они уже шли к своим машинам, разговор все еще продолжался.

В следующем месяце они прочитали «Убийства в Мичигане: царство ужаса потрошителя из Ипсиланти», затем «Смерть в Ханаане: классический случай противостояния добра и зла в небольшом городке Новой Англии», за которой последовала «Горькая кровь: правдивая история о южной семейной гордости, безумии и множественных убийствах»¹¹ – все эти книги рекомендовала Китти.

---

¹¹ Журналистские расследования, описывающие реальные убийства: «Убийства в Мичигане» – книга Эдварда Кейса 1976 года; «Смерть в Ханаане» – книга Джоан Бартель 1976 года; «Горькая кровь» – книга Джерри Бледсо 1988 года.

Книги на следующий год они выбирали все вместе, и, когда выцветшие черно-белые фотографии с мест преступления и поминутно расписанные события трагических ночей стали потихоньку перепутываться в памяти, Грейс выступила с предложением несколько разнообразить круг чтения, чередуя документальные рассказы о преступлениях с художественными произведениями. Так, в одном месяце они обсудили «Молчание ягнят», а в следующем – «Похороненные мечты: в голове у Джона Уэйна Гейси»¹². Прочитали «Хиллсайдских душителей» Дарси¹³, а затем «Тита Андроника» Уильяма Шекспира, где мать накормили пирогом, в который запекли ее детей. («Проблема в том, – заметила Грейс, – что пироги надо было выпечь очень большие, иначе два ребенка туда бы не поместились, даже в виде фарша».)

Патриция полюбила эти встречи. Она спрашивала Картера, не хочет ли он почитать вместе с ней, но он ответил, что ему и на работе хватает чокнутых пациентов и меньше всего, придя домой, он хотел бы развлекаться книгами о психопатах. Патриция не стала спорить. Их «не-то-чтобы-клуб» со всеми этими душителями, отравителями, наемными убий-

---

¹² «Похороненные мечты» – книга Тима Кэхилла 1986 года о Джоне Уэйне Гейси, Клоуне-убийце, который в 1970-х годах похитил, изнасиловал и убил по крайней мере 33 молодых человека.

¹³ «Хиллсайдские душители» – книга Дарси О’Брайена 1985 года о двоюродных братьях – Кеннете Бьянки и Анджело Буоно, терроризировавших Лос-Анджелес с октября 1977 по февраль 1978-го. Используя полицейскую форму, они похищали, насиловали и убивали девушек и женщин.

цами и ангелами смерти позволил ей по-новому взглянуть на жизнь.

Они с Картером переехали в Олд-Вилладж в прошлом году. Им хотелось жить на просторе, в каком-нибудь тихом и, самое главное, безопасном месте. Чтобы рядом были не просто соседи, а единомышленники, а дом стал воплощением семейных ценностей. В месте, защищенном от хаоса и скоротечных перемен внешнего мира. В месте, где дети могли бы целый день гулять на улице без присмотра, пока их не позовут к ужину.

Олд-Вилладж находился на дальнем от центра Чарлстона берегу реки Купер, в окрестностях Маунт-Плезант, но если Чарлстон был слишком торжественным и утонченным, а Маунт-Плезант – его точной, только деревенской, копией, то Олд-Вилладж был образом жизни. По крайней мере, люди, что жили здесь, верили в это. И Картеру пришлось долго и упорно трудиться, прежде чем они смогли позволить себе не просто дом, а образ жизни.

Эта жизнь включала в себя аллею старых дубов и элегантные домики, что расположились между бульваром Коулмана и Чарлстонской гаванью. Здесь все еще махали вслед проезжающим автомобилям, которые двигались со скоростью не более двадцати пяти миль в час.

Это было место, где Картер учил Кори и Блю ловить крабов с причала. Они опускали в мрачные воды гавани сырые куриные шеи, привязанные к леске, и, быстро подводя са-

чок, вытаскивали крабов с маленькими злобными глазками. Картер водил детей ловить ночью креветок при мерцающем свете коулманского фонаря¹⁴. Они ходили на традиционные Устричные пикники и в воскресную школу и посещали свадебные банкеты в Альгамбра-холле и похороны в бюро Штура. Рождество они встречали в кругу жителей квартала на Пьератес-Круз, а в канун Нового года было принято танцевать ламбаду в «Диких дюнах». Кори и Блю ходили в Академию Албемарл, что находилась на другой стороне гавани, дружили со своими одноклассниками, оставались у них ночевать, Патриция подвозила детей в школу и на ночные посиделки. Здесь двери всегда были открыты, а если ты покидал городок надолго, то все соседи знали, где лежит запасной ключ. Можно было целый день гулять, оставив окна в доме распахнутыми настежь, и худшее, что могло ждать тебя по возвращении, – соседский кот, мирно устроившийся спать на кухонном столе. Это было хорошее место, чтобы растить детей. Это было чудесное место, чтобы быть семьей. Тихое, приветливое, мирное и безопасное.

Но иногда Патриции хотелось перемен. Иногда ей не терпелось узнать, чего она стóит. Временами она вспоминала, что до того, как они с Картером поженились, она была медсестрой, и порой ей было интересно, смогла бы она сейчас

---

¹⁴ Фонарь производства компании «Коулман». *Coleman Company, Inc.* – один из крупнейших американских производителей товаров для загородной жизни и отдыха. Была основана Уильямом Коффином Коулманом в 1900 году.

раскрыть рану и зажать пальцами артерию или достанет ли у нее смелости вытащить рыболовный крючок, зацепившийся за веко ребенка. Иногда ей не хватало чувства опасности. И для этого у нее был литературный клуб.

Осенью девяносто первого года любимая бейсбольная команда Китти «Миннесота Твинс» вышла в Мировую серию¹⁵. По такому поводу Хорсу Скрагтсу пришлось спилить две сосны перед домом и известкой нарисовать уменьшенную копию бейсбольного поля, а члены «не-совсем-книжного-клуба» вместе с мужьями были приглашены поиграть в бейсбол.

– Все, послушайте, – сказала Слик на последнем собрании перед игрой. – Мне нужно вам кое в чем признаться...

– Бог мой! – Мэриэллен закатила глаза. – Начинается...

– Не говори о том, чего не знаешь, – перебила ее Слик. – Итак, послушайте. Мне не нравится просить людей брать грех на душу...

– Если бейсбол – грех, я провалюсь в ад, – засмеялась Китти.

– Мой муж... как бы это сказать... – продолжила Слик, не обращая внимания на Китти. – Лиланд... он никогда бы не понял, почему мы читаем такую жуть... в нашем клубе.

– Это не клуб, – как обычно, поправила ее Грейс.

---

¹⁵ *Мировая серия* (The World Series) – решающая серия игр в сезоне Североамериканской Главной лиги бейсбола.

– ...и я не хотела волновать его. – Слик проигнорировала и ее. – Поэтому я сказала ему, что на встречах мы занимаемся изучением Библии.

На пятнадцать долгих секунд воцарилась полная тишина. Наконец Мэриэллен медленно проговорила:

– Ты сказала мужу, что мы здесь читаем Библию?
– Долгие годы я изучала Библию, – жалобно проговорила Слик, – и мне нужна была хоть какая-то компенсация...

Все опять надолго замолчали, недоуменно переглядываясь, и вдруг неожиданно расхохотались.

– Я говорю совершенно серьезно, – обиделась Слик. – Он никогда не отпустил бы меня, если бы знал, чем мы тут на самом деле занимаемся.

Они поняли, что она не шутит.

– Слик, – торжественно проговорила Китти. – Я обещаю тебе, что в субботу каждый из нас отдаст должное слову Божию.

И в субботу они постарались.

Мужья, обросшие воскресной щетиной, в рубашках поло с логотипами Университета Северной Каролины, заправленных в свежестырированные джинсовые шорты, о чем-то переговаривались на переднем дворе Китти, шутили, жали друг другу руки. Хозяйка разбила всех на команды, безжалостно разлучив пары, а Патриция настояла на том, чтобы Кори тоже включили в игру.

– Все остальные дети плавают, – ответила Китти.

– А она предпочла бы поиграть.

– Я не собираюсь подавать в полруки только потому, что она ребенок.

– Она справится, – уверила Патриция Китти.

Та прекрасно знала свое дело и с места питчера посылала поистине смертоносные фастболы¹⁶. Кори видела, как хозяйка выбила из игры Слик и Эда, мужа Мэриэллен.

– Мама, а если я промахнусь? – спросила Патрицию дочь, когда подошла ее очередь.

– Просто сделай все, что ты можешь.

– А если я разобью ей окно?

– Тогда на обратном пути я куплю тебе замороженный йогурт, – пообещала Патриция.

Но когда Кори встала на домашнюю базу, на ее мать нахлынула волна беспокойства. Девочке было неудобно держать бит, ее конец постоянно болтался в воздухе. Ноги Кори выглядели слишком тонкими, а руки слишком слабыми. Она всего лишь ребенок. Патриция уже приготовилась утешать дочь и сказать, что она сделала все, что могла. Китти бросила на Патрицию извиняющийся взгляд, отвела правую руку далеко за спину и, хорошенько прицелившись, с громким выкриком послала фастбол прямо в Кори.

Раздался треск, мяч изменил направление, полетел по длинной дуге прямо к особняку Скраггсов, застучал по кры-

---

¹⁶ *Фастбол* (англ. fastball) – в бейсболе прямая подача, при которой упор делается на скорость полета мяча, является наиболее распространенной подачей.

ше и, упав с противоположной стороны, скрылся где-то в густых зарослях. Все, включая саму Кори, замерли и молча наблюдали за траекторией его движения.

– Давай, Кори! – разорвал тишину вопль Патриции. – Беги!

Кори обежала все базы. В итоге игру со счетом шесть-четыре выиграла ее команда, и все очки были заработаны, когда девочка брала в руки биту.

Полгода спустя стало ясно, что Мисс Мэри больше не может жить одна. Картер и два его старших брата договорились брать ее к себе по очереди, по четыре месяца из года на каждого, и Картеру, как самому младшему, предстояло сделать это первым.

За день до того, как она должна была переехать, раздался звонок и ее второй сын, Сэнди, сообщил, что его дети слишком юны, чтобы находиться рядом с бабушкой, когда она в таком состоянии, и что, кроме того, ему бы хотелось, чтобы они запомнили ее молодой и здоровой, а не такой, какой она стала.

Картер позвонил их старшему брату, Бобби, но он сказал: «Мама не сможет жить здесь, в Вирджинии. Здесь для нее слишком холодно».

Братья обменялись несколькими весьма крепкими выражениями, затем Картер, сидя на краешке кровати, с силой опустил на кнопку «отбой» мобильного телефона большой

палец и долго держал его там, прежде чем сказать:

– Мама остается.

– На сколько? – спросила Патриция.

– Навсегда.

– Но, Картер...

– А что ты хочешь, Пэтти? Чтобы я выкинул ее на улицу?

Ты же знаешь, я не могу сдать ее в дом престарелых.

Сердце Патриции немедленно смягчилось. Отец Картера умер рано, когда тот был еще совсем маленьким, и мать одна растила младшего сына. Сэнди был на восемь лет старше и вскоре оставил родительский дом, а Бобби уже давно не жил с ними, так что Картер и его мать выпутывались сами, как могли. Жертвенность Мисс Мэри стала семейной легендой.

– Ты прав. У нас ведь есть гаражная комната. Мы справимся.

Действительно удачно, что кто-то из прежних владельцев дома переоборудовал гараж и на первом этаже появилась еще одна просторная комната с отдельным санузлом.

– Спасибо, – сказал муж после долгой паузы, и в его голосе прозвучала такая искренняя благодарность, что Патриции тут же стало ясно, что они приняли правильное решение.

Но Кори перешла в среднюю школу, Блю никак не мог сосредоточиться на математике, и ему, хотя он был только в четвертом классе, требовался репетитор, а мать Картера не всегда могла сказать, чего она хочет, и с каждым днем ей становилось все хуже.

Вскоре стало ясно, что Мисс Мэри страдает расстройством личности, которое постепенно усугубляется. Когда-то она хлопотала над своими внуками и души в них не чаяла, теперь же, когда однажды Блю случайно перевернул ее кружку с пахтой¹⁷, так сильно ущипнула его за руку, что остался большой почти черный синяк. В другой раз свекровь пнула Патрицию по голени, когда узнала, что на ужин не приготовили печень. И постоянно требовала отвезти себя на автобусную станцию. После ряда несчастных случаев Патриция поняла, что оставлять свекровь дома одну нельзя.

Однажды днем, когда Мисс Мэри уже успела перевернуть на пол тарелку с хлопьями и молоком и забить рулоном туалетной бумаги унитаз в своей комнате, к дому Патриции подъехала Грейс.

– Хотела пригласить тебя на заключительный вечер фестиваля Сполето¹⁸. У меня есть билеты для тебя, Китти, Мэриэllen и Слик. Я подумала, что неплохо было бы нам всем вместе выбраться на какое-нибудь культурное мероприятие.

Патриции ужасно хотелось пойти. Закрытие фестиваля Сполето проходило на открытом воздухе в Миддлтон-плейс.

---

¹⁷ *Пахта* – обезжиренные сливки, побочный продукт, получаемый при производстве масла из коровьего молока. Используется, например, при приготовлении каш, как добавка в кофе и для заправки творога.

¹⁸ *Фестиваль Сполето* (Spoleto Festival USA) – один из крупнейших фестивалей художественного и театрального искусства в Чарлстоне, Южная Каролина, основанный лауреатом Пулитцеровской премии композитором Жаном Карло Менотти в 1977 году.

Можно было расстелить на холме одеяло и устроить пикник с видом на озеро, пока симфонический оркестр Чарлстона играет классическую музыку. Заканчивался вечер большим красочным фейерверком. Но тут где-то внутри дома жалобно заскулил Пёстрик и грязно выругалась Мисс Мэри.

– Я не могу.

– Тебе нужна помощь? – спросила Грейс.

Внезапно, сама того от себя не ожидая, Патриция рассказала приятельнице все: как ее пугает то, что Мисс Мэри живет с ними, как тяжело всякий раз садиться с детьми обедать, какое давление это все оказывает на нее и мужа.

– Но я не хочу жаловаться, – закончила она. – В конце концов, она так много сделала для Картера.

Грейс заметила, что очень сожалеет, что Патриции придется пропустить Сполето, и ушла. Патриция тут же разозлилась на себя.

На следующий день после обеда на подъездную дорожку ее дома вывернул грузовой пикап с мальчишками Скраггс на заднем сиденье. В кузове перестукивались биотуалет, ходунки, умывальник, горшки, набор больших пластиковых столовых приборов и коробки с небьющимися тарелками. С водительского сиденья выбралась Китти.

– Когда мать Хорса жила с нами, нам было необходимо все это барахло, – пояснила она. – Завтра привезу еще больничную кровать, надо собрать побольше мужской силы, чтобы вывезти ее и установить.

Патриция предположила, что Грейс позвонила Китти и рассказала ей обо всем. Не успела она набрать телефонный номер приятельницы, чтобы поблагодарить, как раздался звонок в дверь. На крыльце стояла невысокая чернокожая женщина, пухленькая, с ясным внимательным взглядом и старомодной укладкой, напоминающей шлем. На незнакомке были широкие белые брюки, а из-под сиреневого кардигана выглядывала белая туника медицинской сестры.

— Миссис Кавана сказала, что, возможно, вам понадобится моя помощь, — произнесла она. — Мое имя Урсула Грин, и я присматриваю за пожилыми.

— Это очень мило с вашей стороны, — начала Патриция, — но...

— Без дополнительной платы я иногда могу присмотреть и за детьми, — сказала миссис Грин. — Я не детская няня, но миссис Кавана сказала, что вам необходимо время от времени выходить из дому. Я беру одиннадцать долларов в час днем и тринадцать ночью. Могу иногда приготовить еду для детей, но мне бы не хотелось, чтобы это стало моей обязанностью.

Плата, которую запросила миссис Грин, была значительно ниже, чем думала Патриция, но ей до сих пор не верилось, что кто-нибудь захочет иметь дело с Мисс Мэри.

— Прежде чем вы примете решение, разрешите представить вас моей свекрови.

Они прошли на веранду, где Мисс Мэри смотрела телеви-

зор. Той явно не понравилось их вторжение.

– Кто это? – нахмурившись, резко спросила она.

– Это миссис Грин, – ответила Патриция. – Миссис Грин, я хотела бы познакомиться...

– Что она тут делает? – прервала ее Мисс Мэри.

– Я пришла, чтобы причесать вам волосы и сделать маникюр. – Миссис Грин перехватила инициативу в разговоре. – А позже приготовить вам что-нибудь поесть.

– Почему *эта* не может сделать все это? – спросила Мисс Мэри, тыча скрюченным пальцем в Патрицию.

– Потому что *этой* вы уже достаточно потрепали нервы. И если в самое ближайшее время не дать ей отдохнуть, то, боюсь, она просто-напросто сбросит вас с крыши.

Минуту Мисс Мэри размышляла, потом сказала:

– Никто не скинет меня ни с какой крыши.

– Продолжайте в том же духе, – сказала сиделка. – И я, возможно, помогу ей.

Три недели спустя Патриция сидела на зеленом клетчатом пледе в Миддлтон-плейс, наслаждаясь

«Музыкой для королевского фейерверка» Генделя в исполнении симфонического оркестра Чарлстона. В небе над ее головой, словно волшебный зеленый одуванчик, расцвел первый огонек. Фейерверки всегда трогали Патрицию до слез. Их правильная установка отнимала столько сил и времени, а они так быстро взлетали и сгорали, успевая порадовать лишь совсем небольшое количество людей.

При свете загорающихся в небе огней Патриция смотрела на женщин, которые окружали ее: Грейс сидела на складном стуле и, прикрыв глаза, слушала музыку; Китти, лежа на спине, спала, в ее руке опасно кренился пластиковый стаканчик с остатками вина; Мэриэллен в джинсовом комбинезоне сидела на пледе, вытянув ноги, и, казалось, больше всех наслаждалась сегодняшним вечером; Слик была сосредоточена, она подогнула ноги под себя и наклонила набок голову, слушая музыку так, как будто выполняла домашнее задание.

Патриция внезапно осознала, что в течение четырех лет она встречалась с этими женщинами каждый месяц. Она говорила с ними о своем браке и своих детях, вместе с ними грустила и смеялась, спорила с ними, видела, как они плачут. И где-то на этом пути, среди всех этих зарезанных студенток, пропавших детей, шокирующих секретов небольших городков и правдивых отчетов обо всех этих вопиющих событиях, навсегда изменивших Америку, она поняла две вещи: подобное может случиться с каждым, и, если мужа когда-нибудь застрахуют их жизни на кругленькую сумму, надо будет бить тревогу.

Helter skelter

Май 1993 года

Глава 3

– Если я не смогу заставить Блю садиться с нами за стол, когда там мама Картера, – поделилась Патриция с членами своего «не-книжного-клуба», – Кори тоже перестанет выходить к ужину. Она и так весьма разборчива в плане еды. Я обеспокоена тем, что это подростковые штучки.

– Так скоро? – удивилась Китти.

– Ей уже четырнадцать.

– Подростки – это не про цифры, – вздохнула Мэриэллен. – Это тот возраст, когда они перестают тебе нравиться.

– Тебе не нравятся твои девочки? – спросила Патриция.

– Никому не нравятся собственные дети, – пожалала плечами Мэриэллен. – Мы любим их до смерти, но они нам не нравятся.

– Мои дети просто божеское благословение, – сказала Слик.

– Вернись на землю, Слик. – Китти вгрызлась в сырную соломку так, что крошки посыпались ей на колени. Недолго думая, она стряхнула их на ковер Грейс.

Патриция заметила, как их хозяйка вздрогнула.

– Никто не говорит, что ты не обожаешь своих детей, Слик, – сказала она. – Я люблю Бена-младшего, но я буду счастлива, когда он уедет в колледж и в этом доме наконец-то настанет покой.

– Думаю, что они капризничают во время еды из-за того, что видят в разных журналах, – поделилась Слик. – Можете себе представить, они называют это «героиновый шик»¹⁹. Я, например, вырезаю из журналов всю рекламу, прежде чем дать их Грир.

– Шутишь? – недоверчиво спросила Мэриэллен.

– И как ты находишь на это время? – удивилась Китти, разламывая соломку надвое, отчего еще больше крошек посыпалось на ковер.

Грейс больше не смогла этого выносить и протянула Китти тарелку.

– Спасибо, не надо, – отмахнулась Китти. – Мне и так хорошо.

Безымянный не-совсем-клуб заседал в гостиной Грейс с ее пушистыми коврами и умиротворяющим светом ламп. Над камином висела гравюра Одюбона²⁰ в рамке, прекрасно гармонируя с бледными колониальными цветами комна-

---

¹⁹ *Героиновый шик* – направление в моде 1990-х годов, характеризующееся бледной кожей, темными кругами вокруг глаз и субтильным телосложением моделей.

²⁰ *Джон Джеймс Одюбон* – американский натуралист, орнитолог и художник-анималист, автор знаменитого труда «Птицы Америки».

ты – серо-персиковым и пепельно-белым, темная поверхность пианино мрачно мерцала в углу. Все в этом доме было безукоризненно. Каждый раннеамериканский виндзорский стул, каждый столик из каштанового дерева, каждая китайская фарфоровая лампа – все в комнате выглядело так, как будто всегда тут и находилось, а дом был попросту выстроен вокруг.

– Подростки утомительны, – сказала Китти. – И от этого только хуже. Завтрак, стирка, уборка, обед, уроки. И все одно и то же, каждый день. Если что-то меняется, ну, хоть чуть-чуть, они орут как резаные. Честно, Патриция, расслабься. Оставь эти сражения с ветряными мельницами. Ничего особенного не произойдет, если дети оставят что-то на своей тарелке или если вдруг один раз у них не окажется чистого белья.

– А что, если как раз в этот день они попадут под машину? – спросила Грейс.

– Уверяю тебя, – усмехнулась Мэриэллен, – если Бен-младший попадет под машину, состояние его трусов будет волновать тебя меньше всего.

– Не обязательно, – сказала Грейс.

– А я замораживаю сэндвичи, – неожиданно выпалила Слик.

– Что ты делаешь? – переспросила Китти.

– Чтобы сэкономить время, – затараторила Слик. – Я готовлю сэндвичи для детей, по три на каждый день, пять раз в

неделю, итого шестьдесят штук. Каждый первый понедельник месяца я делаю их все и кладу в морозилку. Каждое утро я достаю по одному и кладу в их пакеты. К обеду они как раз размораживаются.

– Надо будет попробовать, – задумчиво проговорила Патриция, думая, что это, должно быть, действительно фантастическая идея, но ее слов никто не услышал из-за громкого смеха Китти и Мэриэллен.

– Это экономит время, – упрямо повторила Слик, защищаясь.

– Нельзя замораживать сэндвичи, – сказала Китти. – Подумай, что происходит с их содержимым. А соус?

– Никто не жалуется.

– Потому что никто их не ест, – парировала Мэриэллен. – Они либо выбрасывают их в мусорку, либо продают каким-нибудь дурачкам. Спорим, что они не съели ни крошки из этих твоих фирменных обмороженных сэндвичей.

– Дети любят мои обеды. – Слик явно обиделась. – Они не стали бы мне врать.

– О, Патриция, у тебя новые серьги! – сказала Грейс, меняя тему разговора.

– Да. – Патриция повернулась так, чтобы свет из окна упал на ее новые сережки.

– И сколько же они стоят? – спросила Слик, и все несколько оторопели. После Бога вопросы о деньгах были следующей темой, которую не следовало затрагивать в приличном

обществе.

– Картер подарил их мне на день рождения.

– Выглядят дорого, – продолжала Слик, удваивая свою бестактность. – Хотела бы я знать, где он их раздобыл.

Обычно Картер дарил всякую ерунду, которую покупал в ближайшей аптеке²¹, но в этом году Патриция получила серьги с жемчугом. Сегодня она надела их, так как страшно гордилась, что наконец-то получила настоящий подарок. Теперь она подумала, что кто-то может решить, что она воображает, и заговорила о другом.

– Тебя не беспокоят болотные крысы? – обратилась она к Грейс. – На этой неделе я видела двух на заднем дворе.

– Когда Беннетт устраивается снаружи, он всегда держит под рукой дробовик. А я не вмешиваюсь. Но нам следует начать разговор о книге, если не хотим уйти отсюда за полночь. Слик, я полагаю, ты хочешь начать?

Слик выпрямилась, пошуршала своими записями и прочистила горло.

– Книга этого месяца – «Хелтер Склтер» Винсента Буглиози²². Я думаю, это самый настоящий обвинительный акт

---

²¹ В американских аптеках продаются переходники для розеток, чипсы, орешки, сэндвичи, газировка, а также предметы галантереи и бижутерия. И книги в мягкой обложке.

²² «*Хелтер Склтер*» (Helter Skelter: The True Story of The Manson Murders) – книга Винсента Буглиози и Курта Джентри, рассказывающая о преступлениях так называемой Семьи Мэнсона. Helter Skelter – словосочетание, почерпнутое Мэнсоном из «Белого альбома» The Beatles, написанное на домах некоторых из

так называемому лету любви, во время которого и произошли те трагические события, после которых Америка сбилась с пути.

В этом году в поле интересов «не-совсем-клуба» попала криминальная классика: «Helter Skelter», «Хладнокровное убийство», «Зодиак», «Незнакомец рядом со мной» Энн Рул и новое издание «Рокового видения»²³ с дополнительным эпилогом, рассказывающим читателю о вражде автора с его главным героем. Среди приятельниц только Китти еще до 1988 года читала отчеты о реальных преступлениях, потому в этом году остальные решили восполнить пробелы в своих знаниях о самых громких расследованиях.

его жертв. Изначально helter skelter – это внезапно начавшаяся суматоха, бардак и неразбериха, и еще так в Британии называют спиральные горки на аттракционах; в философии Мэнсона это расовая война между черными и белыми, которой он решил помочь развязаться.

²³ «Хладнокровное убийство» (In Cold Blood: A True Account of a Multiple Murder and Its Consequences) – роман Трумена Капоте, написанный на основе реальных событий – убийства в 1959 году Перри Смитом и Ричардом Хикоком семьи Клаттеров в Холкомбе, Канзас; «Зодиак» (Zodiac) – документальная книга Роберта Грэйсмита о неустановленном серийном убийце, действовавшем в Северной Калифорнии по крайней мере с конца 1960-х до начала 1970-х годов; «Незнакомец рядом со мной» – биографическая книга Энн Рул 1980 года о серийном убийце Теде Банди, которого она знала лично до и после его ареста за серию из как минимум 36 убийств; «Роковое видение» (Fatal Vision) – бестселлер журналиста и писателя Джо Макгиннисса 1983 года о капитане Джефффри Р. Макдональде, докторе медицины, и убийствах его жены и двух их детей в Форт-Брэгте, Северная Каролина. Макдональд подал в суд на Макгиннисса, и дело было улажено во внесудебном порядке. Книга и ее выводы были оспорены в нескольких последующих публикациях.

– Буглиози вообще стал рассматривать это дело не с того конца, – заявила Мэриэллен. Так как ее муж, Эд, служил в полиции Норт-Чарлстона, она считала, что знает о расследованиях все. – Если бы они с самого начала не отнеслись к уликам столь небрежно, то могли бы выстроить обвинение на вещественных доказательствах и не застревать в стратегии, придуманной Буглиози²⁴. Это просто везение, что судья вынес приговор в его пользу.

– А как еще они могли выдвинуть обвинения против Мэнсона? – спросила Слик. – Его не было ни на одном месте преступления. Самолично он никого не убивал.

– Кроме Гари Хинмана и супругов Ла-Бьянка, – возразила Мэриэллен.

– За это ему бы не дали пожизненное заключение. Стратегия заговора сработала. Мэнсона я бы в первую очередь убрала с улиц города. Остерегайтесь лжепророков.

– Вряд ли Библию можно назвать лучшим источником для юридической стратегии, – сказала Мэриэллен.

Китти наклонилась вперед, выудила новую соломку, упустила на ковер, потом подняла и с хрустом вгрызлась в нее. Грейс отвернулась.

---

²⁴ Автор книги Винсент Буглиози занимал должность заместителя прокурора округа Лос-Анджелес и представлял обвинение в процессе Чарльза Мэнсона и трех девушек, входивших в его «Семью», которых судили за убийство актрисы Шэрон Тейт и еще шестерых человек. Буглиози выиграл дело, обвиняемые были приговорены к смертной казни, которая позже всем была заменена на пожизненное заключение.

– А эта первая глава, слушайте-ка, – разжевывая соломку, проговорила Китти. – Розмари Ла-Бьянку сорок один раз ударили ножом. Как вы думаете, что она чувствовала? Я каждый удар переживала вместе с ней, вы нет?

– Вам всем нужно установить тревожную кнопку, – сказала Мэриэллен. – Наша напрямую связана с полицией, а отделение в Маунт-Плезант реагирует в течение трех минут.

– За три минуты тебя вполне могут сорок один раз ударить ножом, – сказала Китти.

– Не хотелось бы, чтобы на моих окнах красовались эти уродливые наклейки, – сказала Грейс.

– Ты предпочтешь получить сорок один удар ножом, чем немного испортить фасад дома? – спросила Мэриэллен.

– Да, – ответила Грейс.

– Мне кажется, это так замечательно – увидеть разные стороны человеческой жизни. – Теперь уже Патриция попыталась сменить тему разговора. – Я тогда училась в школе медицинских сестер и сожалела, что движение хиппи проходит мимо меня.

– Все это чепуха, – сказала Китти. – В шестьдесят девятом я училась в колледже – поверь мне, «лето любви» проскочило Южную Каролину. Вся эта свободная любовь была за ее пределами, в Калифорнии.

– А я в «лето любви» следила за животными в лаборатории в Принстоне, – сказала Мэриэллен. – Покорнейше благодарю, но некоторым из нас пришлось платить, продираясь

сквозь дебри знаний.

– Все, что я помню из шестидесятых, это как отвратительно обошлись с Дагом Митчеллом после того, как он вернулся с войны, – сказала Слик. – Он пытался поступить в Принстон по закону о льготах для бывших фронтовиков, но все плевали на него и спрашивали, сколько детей он убил. Ему пришлось вернуться домой в Дью-Уэст и работать в магазине хозяйственных товаров своего отца. Он хотел быть инженером, но хиппи не позволили ему осуществить свою мечту.

– А я всегда считала хиппи такими очаровательными, – призналась Патриция. – В комнате отдыха, что была у нас в медицинской школе, я рассматривала журналы «Лайф» с фотографиями этих девушек в длинных платьях, и мне казалось, что жизнь – это там, у них. Но в «Хелтер Склтер» это все выглядит настолько убого. Они жили на грязном ранчо, большую часть времени не носили одежду и не мылись, никогда не мылись.

– Какой толк от свободной любви, – заявила Мэриэллен, – если никто не принимает душ?

– Представляете, какие мы старые? – спросила Китти. – Все думают, что движение хиппи было миллион лет назад, а ведь все мы могли быть хиппи.

– Не все, – возразила Грейс.

– Они по-прежнему среди нас, – сказала Слик. – Вы видели в сегодняшней газете? Про события в Уэйко? В Техасе существовала подобная секта, так же слепо повинующаяся

своему лидеру, как те девушки повиновались Мэнсону. Эти лжепророки ходят из города в город, промывают людям мозги и направляют их по кривой дорожке. Без твердой веры в сердце люди падки на слащавые посулы.

– Со мной это не прокатит, – усмехнулась Мэриэллен. – Если кто-то новый селится со мной по соседству, я следую совету Грейс: пеку пирог и заявляюсь на порог его дома. Когда ухожу, уже знаю всё: откуда эта семья, чем ее глава зарабатывает на жизнь и сколько людей живет в их доме.

– Я тебя этому не учила, – запротестовала Грейс.

– Научилась на примере себя самой.

– Я просто хочу, чтобы люди почувствовали, что им здесь рады, – попыталась пояснить Грейс. – А если и расспрашиваю об их жизни, то только потому, что мне это интересно.

– Ты шпионишь за ними, – сказала Мэриэллен.

– А это необходимо, – вмешалась Китти. – Так много новых людей приезжает сюда. Раньше на бамперах можно было увидеть лишь наклейки «Бойцовых петухов», Клемсона или Цитадели²⁵. Теперь повсюду ездят машины с наклейками университетов Алабамы, Вирджинии и прочими. Хозяин любой из них, насколько нам известно, вполне может оказаться серийным убийцей.

– Хотите знать, что я делаю? – спросила Грейс. – Если

---

²⁵ «Бойцовые петухи» – спортивная команда Университета Южной Каролины, который находится в городе Колумбия; Клемсон – город и университет в Южной Каролине; Цитадель – государственный высший военный колледж в Чарлстоне.

вижу по соседству незнакомую машину, то сразу записываю ее номер.

– Зачем? – удивилась Патриция.

– А затем. Если потом что-то случится, я предоставлю номер машины, ее описание и дату ее появления в нашей местности. Это может быть использовано как улика.

– А кому принадлежит тот большой белый фургон, что припаркован у дома миссис Сэвидж? – заинтересовалась Китти. – Он стоит там уже три месяца.

Старая миссис Сэвидж проживала в полумиле отсюда по Миддл-стрит, и, хотя она была довольно неприятной особой, ее дом очень нравился Патриции. Деревянные ставни были покрашены в пасхально-желтый цвет с ярко-белой отделкой, а над парадным крыльцом висел планер. Всякий раз, проезжая мимо этого дома, невзирая на то, насколько отвратительно вела себя в этот день Мисс Мэри или насколько было грустно оттого, что Кори с возрастом отдаляется все дальше и дальше, Патриция всегда с восхищением смотрела на этот маленький, идеально пропорциональный домик и представляла себя свернувшейся клубком в уютном кресле где-нибудь в глубине, читающей книгу, продирающейся сквозь хитросплетенный мистический сюжет. Но она никогда не видела у дома никакого фургона.

– Что за фургон? – спросила она.

– Это белый фургон с тонированными стеклами, – пояснила Мэриэллен. – Очень похож на тот, в котором могли бы

ездить похитители детей.

– Я заметила его благодаря твоему Пёстрику, – сказала Грейс. – Он просто обожает его.

– Что? – спросила Патриция, обуреваемая чувством стыда оттого, что сейчас один из ее недосмотров будет раскрыт.

– Когда сегодня вечером я ехала мимо, он делал свои дела на переднем дворе миссис Сэвидж, – сообщила Китти и расхохоталась.

– Я не единожды видела, как он рылся в ее мусорных баках, – сказала Грейс.

– И я как-то видела, как он поднимал лапку на колесо этого самого фургона, – добавила Мэриэллен. – Когда не спал под ним.

Все рассмеялись, и Патриция почувствовала, как густой румянец заливает ее щеки и шею.

– Послушайте, – попыталась возразить она. – Здесь нет ничего смешного.

– Тебе следует посадить Пёстрика на цепь, – посоветовала Слик. – Или выводить его гулять на поводке.

– Мы никогда не делали этого. Никто в Олд-Вилладж не держит собаку на цепи.

– Девяностые, – сказала Мэриэллен. – Вновь приехавшие могут засудить тебя только за то, что твой пес их облаял. Ван Дорстенам пришлось усыпить Леди за то, что она облаяла судью.

– Олд-Вилладж меняется, Патриция, – вздохнула Грейс. –

Я знаю по крайней мере трех животных, на которых миссис Сэвидж натравила догхантеров.

– Но посадить Пёстрика на цепь или поводок будет так... – Патриция замешкалась, подыскивая нужное слово. – Будет так жестоко! Он привык бегать на свободе...

– Фургон принадлежит племяннику, – сообщила Грейс. – В данный момент Энн очень больна и не встает с постели. Члены семьи отрядили его ухаживать за ней.

– Конечно, конечно, – подмигнула Мэриэллен. – Что было на этот раз? Пирог с пеканом? Лаймовый кекс?

Грейс не удостоила ее ответом.

– Надо ли мне пойти к ней и поговорить насчет Пёстрика? – растерянно спросила Патриция.

– Не бери в голову. – Китти взяла еще одну сырную соломку и разломала ее пополам. – Если Энн Сэвидж что-то не понравится, она сама к тебе придет.

Глава 4

Двумя часами позже женщины покидали дом Грейс, всё еще переговариваясь о скрытых посланиях в альбомах «Битлз», о том, является ли самоубийство Джоэла Пью²⁶ в Лондоне недоказанным преступлением Мэнсона, и об образцах крови, найденных в особняке Шэрон Тейт. Пока остальные, спустившись с крыльца, шли к своим машинам, Патриция остановилась на поросших мхом каменных ступенях и вдохнула сладкий запах камелий, кусты которых аккуратными рядами были высажены по обе стороны парадного входа.

– После такого полного приятных волнений вечера трудно идти домой и собирать школьные обеды на завтра, – произнесла она.

Грейс встала рядом с ней на крыльце, прикрыв дверь, напрасно стараясь, чтобы наружу не утекал кондиционированный воздух. Это напомнило Патриции о доме. Она сделала мысленную заметку, что нужно вызвать мастера по ремонту кондиционеров.

– Все это хаос и беспорядок. – Грейс печально покачала головой. – Я жду не дождусь, когда снова приступлю к своим

---

²⁶ *Джоэл Пью* – лабораторный техник из Калифорнии, чье тело было найдено 1 декабря 1969 года в отеле «Талгарт» в Лондоне. Его смерть квалифицировали как самоубийство, но на этот счет было и особое мнение, так как его возлюбленная примкнула к «Семье Мэнсона», от чего Джоэл пытался ее отговорить, а в Лондоне в одно время с ним мог находиться один из соратников Мэнсона.

домашним заботам.

– Неужели тебе никогда не хотелось, чтобы где-то рядом произошло что-то поистине захватывающее? – спросила Патриция. – Хоть разочек?

Грейс в удивлении подняла брови.

– Ты хочешь, чтобы банда грязных хиппи вломила в твой дом, убила твою семью и человеческой кровью написала на стенах «смерть свиньям», потому что ты больше не хочешь готовить детям еду?

– Ну... Нет, после того, как ты это сказала... Твои каме-
лии великолепны.

– На этой неделе я занималась ежегодными посадками. У меня есть барвинки и бархатцы, а за домом я посадила несколько кустов азалий, они уже цветут. Когда будет светло, я покажу тебе нуазетовые розы²⁷, что растут на заднем дворе. Этим летом они божественно пахнут.

Они пожелали друг другу спокойной ночи, и Патриция пошла в сторону Пьератес-Круз, дверь Грейс скрипнула и мягко закрылась позади нее. Пьератес-Круз грязной подковой охватывала Миддл-стрит, и два десятка семей, что там жили, скорее удавились бы, чем дали ее заасфальтировать. Камни поскрипывали под ногами и чувствовались сквозь тонкую подошву туфель. Вечерняя духота сжималась вокруг словно

---

²⁷ *Нуазетовые розы* – группа сортов роз, сходных с чайными розами, но с более мелкими цветками. Эти сорта были выведены из сорта *Champneys' Pink Cluster*, который получил Джон Чемпнис Чарлстон, селекционер из Южной Каролины.

кулак. В тишине Олд-Вилладж был слышен лишь скрип камней, вдавливаемых в землю, да сердитое стрекотание сверчков и кузнечиков, собравшихся вокруг нее в темноте.

Шум споров клуба еще бурлил в венах, но постепенно испарялся, пока Патриция, покинув совершенный во всех отношениях дом Грейс, тихонько шла по направлению к своему жилищу, притаившемуся за зарослями дикого бамбука и узловатыми деревьями, увитыми плющом. Она подошла ближе и увидела, что мусорных баков нет в конце подъездной дорожки, там, где их забирает по утрам мусоровоз. Выносить мусор было одной из обязанностей Блю, но, когда солнце садилось, сторону дома, где днем стояли баки на колесах, окутывала крошечная тьма, и сын делал все возможное, чтобы увильнуть от этой повинности. Патриция говорила, что можно отвозить баки до того, как стемнеет. Она выдавала ему фонарик. Она предлагала постоять на крыльце, когда он пойдет за ними. Вместо этого он до последнего тянул со сбором мусора, складывал банки и пакеты около входной двери, обещая, что за пять минут все уберет, как только закончит решать этот словарно-хитрющий кроссворд или целую страницу примеров на деление. А потом исчезал.

Если она успевала поймать его до того, как он ложился спать, она заставляла его вынести мусор и вывезти баки к улице. Не сегодня. Сегодня она стояла около двери в его темную комнату, свет из коридора слабо освещал, как он лежит, укутавшись одеялом и плотно закрыв глаза, а очередной вы-

пуск детского «Нэшнл географик» поднимается и опускается на его животе.

Наполовину прикрыв дверь спальни сына, она задержалась у комнаты Кори, слушая, как то стихает, то набирает командную громкость голос дочери, разговаривающей по телефону. Патриция почувствовала укол зависти. Сама она не пользовалась популярностью в старшей школе, но Кори была капитаном или заместителем капитана всех школьных команд, девочки помладше постоянно появлялись на играх, чтобы поболеть за нее. Каким-то таинственным образом спортивные девочки всегда становятся популярными. Когда Патриция училась в старших классах, разговаривать со спортсменками могли только другие спортсменки, но круг друзей Кори казался бесконечным, пришлось даже провести вторую линию, чтобы и Картер мог спокойно пользоваться телефоном.

Патриция пошла вниз, проверить, как там Мисс Мэри. Она спустилась по трем ступенькам, ведущим из нижнего холла в переоборудованную гаражную комнату, и остановилась, чтобы дать глазам привыкнуть к мерцающему оранжевому свету ночника. Старушка, худая, будто сдувшаяся под простынями больничной кровати, неподвижным взглядом сверлила потолок, глаза ее поблескивали в слабом свете.

– Мисс Мэри? – мягко позвала Патриция. – Вам что-нибудь нужно?

– Там сова, – прохрипела старушка.

– Я не вижу никаких сов. Вам нужно отдохнуть.

Мисс Мэри продолжала неотрывно смотреть на потолок, глаза ее слезились, и капли по вискам стекали к спутанным волосам.

– Нравится вам это или нет, но у вас совы.

По ночам ей становилось хуже, но и в течение дня све-кровь часто теряла нить разговора и пыталась скрыть это за долгими историями из своей прошлой жизни о людях, кото-рых никто не знал. Даже Картер не мог опознать две трети из них, но, к его чести, он всегда внимательно слушал и не перебивал.

Патриция проверила, есть ли вода в кружке около кровати Мисс Мэри, и пошла выносить мусор. Она взяла с собой фонарик, так как Блю был прав – ночью у той стены дома довольно жутко.

Влажный ночной воздух кишел насекомыми, они непре-станно гудели над самым ухом, пока Патриция пересекала конус света от лампы над крыльцом. Быстрым шагом она прошла в густую темноту за углом дома, заставив себя подо-ждать три шага, прежде чем включить фонарик, просто что-бы доказать, что она не трусиха. Первое, что она увидела в его свете, была одна из голубых прокладок для недержания Мисс Мэри, валяющаяся в грязи. Сбоку выступал короткий отрезок забора, который скрывал мусорные баки от посторо-нных взглядов, но с места, где стояла Патриция, она хоро-шо видела, что оба бака перевернуты. Внезапно нахлынувш-

шее раздражение сменило нервозность. Это все должен был убрать Блю.

Из баков облаками высыпались белые полиэтиленовые пакеты, в жарком густом воздухе стоял сырой земляной запах кофейной гущи и подгузников Мисс Мэри. Не переставая звенели комары.

Патриция медленно провела лучом фонарика по разбро- санному мусору, оценивая масштаб предстоящей работы: ис- использованные салфетки, фильтры от кофемашины, яблоч- ная кожура, ватные диски, коробки от штруделя и упаков- ки от тостов и хлеба, не говоря уже о многочисленных голу- бых прокладках. Либо еноты, либо достаточно крупные бо- лотные крысы хорошо здесь потрудились.

Самый большой мешок утащили в узкий проход между глухой кирпичной стеной их дома и бамбуковыми заросля- ми, находившимися уже на участке Кларков. С той стороны слышался какой-то хлюпающий звук, будто кто-то лакал ва- ренье или желе прямо из банки. Она направила туда луч фо- нарика.

Мешок был тканевый и не совсем белый, а бледно-ро- зовый, покрытый рисунком из бутонов роз. Внизу торчали грязные босые ноги. Когда луч фонарика коснулся мешка, он повернул к свету лицо.

– Ой! – воскликнула Патриция.

Белый луч с непростительной ясностью явил каждую де- таль этой жуткой картины. На корточках сидела старуха в

розовой ночной сорочке: лицо измазано красным, губы ошетинились черными жесткими волосками, что-то прозрачное дрожало на подбородке. Она склонилась над темным предметом, лежащим у нее на коленях. Патриция разглядела почти полностью оторванную, свисающую к земле голову енота. Между обнаженных клыков зверька болтался язык. Старуха запустила окровавленную руку в разорванное брюхо животного и зачерпнула пригоршню полупрозрачных внутренностей. Она поднесла жирные блестящие пальцы ко рту и вгрызлась в бледно-сиреневую трубку кишечника, щурясь от слепящего ее света фонарика.

– Могу я вам помочь? – растерянно пролепетала Патриция первое, что пришло ей в голову.

Старуха перестала грызть свою добычу и принялась, словно дикий зверь. Тяжелый запах свежих экскрементов, удушающая вонь разбросанного мусора, отдающий железом резкий запах крови енота ударили Патриции в нос. Задышавшись, она отступила назад, почувствовала под своей пяткой что-то мягкое и неожиданно повалилась прямо в кучу засаленных белых мешков. Пытаясь подняться, она старалась держать луч фонарика на старухе, так как чувствовала себя в безопасности, пока видела ее, но та уже быстро приближалась, ползла на четвереньках прямо по рассыпанному мусору, таща за голову труп енота.

– О нет, нет, нет, нет, нет... – умоляюще затараторила Патриция.

Окровавленная рука схватила ее за голень, и даже сквозь брюки чувствовался исходящий от нее жар. Старуха бросила енота и другой рукой ухватила Патрицию за бедро. Всем своим весом навалилась она на Патрицию, и та почувствовала, как что-то впивается в правую почку. Женщина пыталась оттолкнуть нападавшую назад или просто спихнуть ее с себя, но у нее не было точки опоры, и она лишь глубже закапывалась в мусор.

Старуха упорно ползла вверх по телу Патриции с широко открытым ртом, слюна свисала блестящей цепочкой, хлопали безумные, выпученные, как у жабы, глаза. Одна из ее воющих рук, липкая и шершавая от крови енота, скользнула Патриции за воротник и схватила ее за шею. Подтянувшись, теплое и мягкое, как слизняк, тело полностью улеглось на Патрицию.

Что-то в длинных седых волосах, убранных в конский хвост, в повороте тонкой шеи показалось Патриции знакомым. Потом она заметила электронные часы на одном из запястий, и все встало на свои места.

– Миссис Сэвидж? – прошептала она. – Миссис Сэвидж!

Это истекающее слюной от безумного голода, нависающее над ней лицо принадлежало женщине, которая в течение многих лет была настоящим проклятием всего соседского сообщества. Этот разверстый рот с белыми зубами и застрявшей между ними шерстью енота, принадлежал женщине, которая выращивала прекрасные гортензии на своем пе-

реднем дворе и в полуденную жару патрулировала Олд-Вилладж, надев мягкую парусиновую шляпу и вооружившись палкой с гвоздем на конце для сбора фантиков от конфет.

Все, что заботило миссис Сэвидж сейчас, – это поскорее прижаться губами к лицу Патриции. Старуха была сверху, законы гравитации работали на нее, и мир Патриции заполнили грязные от крови зубы с торчащими между ними клочьями шерсти. Она почувствовала, как что-то мелкое щекочет лицо, и поняла, что это блохи с трупа енота.

Вне себя от страха и паники, Патриция ухватила за запястья миссис Сэвидж и с силой передвинула себя в сторону, больно расцарапав спину. Миссис Сэвидж не удержалась и упала на деревянный забор, глухо стукнувшись о него лицом. Патриция отползла назад по мусорным мешкам и рывком поднялась на ноги. Фонарик остался лежать на земле, освещая своим лучом обезглавленное тело енота.

Она не знала, что делать, пока миссис Сэвидж корчилась среди мусора, но, как только старая леди поднялась на ноги и направилась к ней, Патриция рванула прочь из крошечной темноты за угол, к крыльцу, где горел фонарь. Передний двор казался таким мирным, таким безмятежным. Она выбежала на свет, почувствовала под ногой мокрую траву – очевидно, она потеряла туфлю, и широко открыла рот, чтобы закричать.

Это была самая простая вещь, она всегда считала, что если вдруг когда-нибудь попадет в неприятности, то первым

делом закричит, но сейчас, в десять вечера в четверг, когда большинство соседей уже крепко спали, а остальные готовились ко сну, она не смогла издать ни звука.

Вместо этого она бросилась к входной двери. Она заскочит внутрь, закроет дверь на замок и позвонит в службу спасения. В это мгновение миссис Сэвидж схватила ее за талию, пытаясь сзади вскарабкаться на нее, и под ее тяжестью Патриция упала на колени, больно стукнувшись ими о траву. Старуха лезла на нее, принуждая встать на четвереньки, Патриция уже ощущала ее горячее слюнявое дыхание возле своего уха.

В голове был полный кавардак. «Я вожу детей в школу... Я состою в клубе любителей книг... Это, конечно, совсем не клуб, но на самом-то деле клуб... Почему я дерусь со старухой на своем переднем дворе?..»

Все было не то. Концы с концами не сходились. Она попыталась выбраться из-под старухи, но острая боль пронзила все тело, сконцентрировавшись в голове, и пришла мысль: «Меня кусают за ухо. Миссис Сэвидж, двор которой два года назад получил премию „Гордость Альгамбры“, кусает меня за ухо».

Маленькие острые зубки все глубже впивались в ухо, и вскоре в глазах у Патриции начало темнеть. Внезапно резкий свет фар высветил их обеих. На подъездную дорожку свернула машина, она ехала все медленнее и медленнее, пока совсем не остановилась. Хлопнула дверца автомобиля.

– Патти? – спросил Картер, перекрывая звук мотора, работающего на холостом ходу.

Патриция заскулила.

Картер подбежал к ней, схватил за шиворот старуху и поднял, но Патриция почувствовала, что что-то не так. Ее голова резко дернулась вверх – и сильная пронзающая боль вновь разнеслась по всему телу. Она поняла, что старуха не отпускала ее. Она почувствовала, как где-то в глубине черепа что-то хрустнуло, затем раздался хлопок, а потом одну сторону ее головы как будто прислонили к раскаленной плите.

И только теперь Патриция закричала.

Потребовалось наложить одиннадцать швов, чтобы закрыть рану, и сделать прививку от столбняка, и врачам не удалось восстановить мочку уха, так как миссис Сэвидж проглотила ее. К счастью, ни миссис Сэвидж, ни енот, похоже, не были бешеными, хотя, чтобы это окончательно проверить, нужно было сделать больше анализов и, следовательно, подождать.

По дороге домой Патриция от большой дозы болеутоляющих чувствовала себя сонной, кроме того, ей совсем не хотелось ничего рассказывать Картеру, но один вопрос надо было обсудить сейчас.

– Картер?

– Не разговаривай, Патти, – отозвался муж, сворачивая на

мост через реку Купер. – Все кончилось.

– Нужно сказать, чтобы в больнице последили за ее испражнениями.

Ее голова моталась из стороны в сторону по подголовнику.

– Кого? – не понял Картер, нажимая на газ, чтобы преодолеть второй подъем моста.

– Энн Сэвидж, – ответила Патриция, горе переполняло ее. – Она проглотила мочку уха вместе с сережкой, которую ты мне подарил. Она должна выйти, и, я думаю, они могли бы помыть ее...

Она расплакалась.

– Расслабься, Патти. Больше они тебе не понадобятся.

– Но ведь ты их мне подарил, – простонала Патриция. – А я потеряла.

– Один из пациентов торгует бижутерией, – попытался успокоить ее Картер. – Он дал мне их бесплатно. Просто выброси вторую, а я постараюсь подобрать тебе что-нибудь в аптеке на Питт-стрит.

Возможно, во всем были виноваты болеутоляющие, но Патриция разрыдалась еще сильнее.

Глава 5

Проснувшись следующим утром, Патриция чувствовала, как распухла и горит левая половина лица. Она встала перед зеркалом в ванной и посмотрела на огромную повязку, которая покрывала щеку, пересекала лоб и спускалась под подбородок. Горе переполнило грудь. Всю жизнь прожить с мочкой уха, а теперь вдруг оказаться без нее. Словно потерять друга.

Но очень скоро знакомый червячок беспокойства пролез в материнский мозг и заставил действовать.

«Надо убедиться, что дети в полном порядке. Нельзя допустить, чтобы они испугались».

Патриция, как смогла, начесала волосы поверх повязки, спустилась на кухню и приготовила завтрак. И когда Блю, а следом и Кори спустились вниз и заняли свои места за столом, постаралась улыбнуться, хотя еще плохо чувствовала левую щеку, и спросила:

– Хотите взглянуть?

– А можно? – спросила Кори.

Патриция нашла конец бинта на затылке, отклеила его и начала долгий процесс разматывания повязки: вокруг лба, под подбородком, по всей голове... Когда дошла до последнего ватного диска и начала осторожно его снимать, обратилась к Блю:

– Точно хочешь посмотреть?

Он кивнул, и она подняла диск, ощутив, как прохладный воздух коснулся ее потной нежной кожи.

Кори затаила дыхание.

– Зачетно, – в восхищении проговорила она. – Болит?

– Не очень приятно, – ответила Патриция.

Кори обошла вокруг стола и встала так близко, что ее волосы щекотали Патриции плечо. Патриция вдыхала запах ее травяного шампуня и вспоминала, что очень давно они с дочерью не находились так близко друг от друга. Бывало они втискивались вдвоем в глубокое кресло с откидной спинкой на веранде и смотрели фильмы, а теперь Кори стала почти одного с ней роста.

– Смотри, Блю! – воскликнула Кори. – Здесь даже есть отпечатки зубов!

Младший брат отодвинул табуретку и встал на нее, придерживаясь за плечо сестры, и они вместе начали тщательно изучать ухо матери.

– Теперь еще один человек знает, какой у тебя вкус, – сказал Блю.

Патриция раньше не задумывалась над этим, слова сына сильно взволновали ее. После того как Кори убежала, чтобы не опоздать в школу, и раздался сигнал клаксона автомобиля, который должен был сегодня подвозить Блю, Патриция последовала за ним к двери.

– Сынок, ты ведь знаешь, что бабушка Мэри никогда бы

не сделала ничего подобного.

По тому, как он остановился и посмотрел на нее, она поняла, что именно об этом он и думал.

– Почему? – спросил он.

– Потому что у той женщины была болезнь, повлиявшая на ее рассудок, – пояснила Патриция.

– Как и у бабушки Мэри, – согласился Блю, и Патриция вспомнила, что именно так объяснила ему заболевание Мисс Мэри, когда та переехала жить к ним.

– Это другая болезнь. Уверяю тебя, я никогда не позволила бы бабушке Мэри остаться у нас, если бы это было небезопасно для тебя или твоей сестры. Хочу, чтобы ты знал: я никогда не сделаю ничего, чтобы подвергло бы вас опасности.

Блю попытался переварить услышанное, но тут вновь раздался сигнал клаксона, и мальчик выбежал за дверь. Патриция надеялась, что ей удалось до него достучаться. У детей должен быть хоть один представитель бабушек и дедушек, о котором можно сохранять приятные воспоминания.

– Патти, – позвал ее Картер с верхней площадки лестницы, в одной руке он держал галстук с восточным орнаментом на зеленоватом фоне, в другой – красный в полоску. – Какой выбрать? Этот означает, что я весел и нестандартно мыслю, а красный говорит о силе.

– А что за повод? – спросила Патриция.

– Веду Хейли обедать.

– С узорами. А зачем ты ведешь доктора Хейли обедать?

Спускаясь по ступеням, он начал завязывать красный галстук.

– Решил бросить вызов судьбе, – объявил Картер, продевая конец галстука в кольцо и вывязывая красивый узел. – Надоело стоять в очереди.

Он задержался напротив зеркала в прихожей.

– Ты же говорил, что не хочешь быть главой психиатрического отделения? – удивилась Патриция.

Картер поправил галстук, крепче затянув узел.

– Нам нужно больше денег. – Он пожал плечами.

– Ты говорил, что этим летом хочешь больше времени уделять Блю, – сказала Патриция, когда он повернулся.

– Мне нужно найти способ убить двух зайцев одним выстрелом. Я должен присутствовать на всех утренних консультациях, мне нужно найти время на обходы, мне нужно начать добывать гранты для исследований – все это моя работа, Патриция, и я лишь хочу получить то, что по праву мое.

– Ну, что ж, – вздохнула она. – Если это то, чего ты хочешь...

– Это займет всего лишь несколько месяцев. – Он подошел к ней и стал разглядывать ее ухо. – Ты сняла повязку?

– Просто чтобы показать Кори и Блю.

– На мой взгляд, не все так плохо, – оценил Картер. Он взял ее за подбородок и, наклонив ее голову набок, еще раз пристально изучил рану. – Повязка тебе больше не нужна. Все прекрасно заживает.

На прощание он поцеловал ее, и ей показалось, что это было очень похоже на самый настоящий поцелуй.

«Что же, — подумала она. — Если таков эффект от попытки возглавить психиатрию, я только за».

Патриция повернулась к зеркалу и посмотрела на себя. Черные швы на фоне ее светлой кожи походили на лапки какого-то насекомого, но все равно без повязки она чувствовала себя намного увереннее. Она решила оставить все, как есть. Пёстрик поскребся во входную дверь, демонстрируя свое желание выйти. Патриция подумала, не надеть на него поводок, но потом вспомнила, что миссис Сэвидж в больнице.

— Иди, мальчик. — Она открыла дверь. — Разорви мусор этой злой ведьмы.

Пёстрик затрусил по подъездной дорожке, и Патриция заперла за ним дверь. Она никогда раньше не делала этого, но и соседи раньше никогда не нападали на нее в ее собственном дворе. Она спустилась по трем ступенькам в комнату-из-гаража и опустила боковую стенку больничной кровати.

— Как вам спалось, Мисс Мэри? — спросила она.

— Меня укусила сова.

— О боже, — проговорила Патриция, помогая Мисс Мэри сесть и спустить ноги с кровати.

Затем она принялась за долгий медленный процесс одевания Мисс Мэри в домашний халат и пересаживания ее в мягкое кресло и вручила ей стакан с апельсиновым соком, в

котором был растворен метамуцил, как раз к тому моменту, как подошла миссис Грини и начала готовить завтрак.

Подобно всем учителям начальных классов, Мисс Мэри испила из фонтана вечного среднего возраста. Патриция не помнила ее молодой, но помнила, как свекровь была достаточно сильной, чтобы жить одной в ста пятидесяти милях от них к северу, неподалеку от городка Кершо. Она помнила огород в пол-акра, который Мисс Мэри устроила позади своего дома и на котором усердно трудилась. Помнила рассказы свекрови о ее работе на оружейном заводе и как химикаты, которые там использовали, сделали ее волосы рыжими; рассказы о том, как люди делились с ней своими снами, а она называла им их счастливые числа.

Мисс Мэри настолько точно предсказывала погоду по кофейной гуще, что фермеры, занимавшиеся разведением хлопка, всякий раз из уважения покупали ей чашечку кофе, когда она приходила в местный магазинчик за почтой. Мать Картера никому не разрешала собирать и есть персики с дерева на заднем дворе. Не важно, насколько спелыми и аппетитными они выглядели. Она всегда говорила, что это дерево было посажено в момент большой печали, поэтому плоды на нем очень горькие. Однажды Патриция попробовала один персик, и он показался ей мягким, сладким и сочным, но Картер, когда она рассказала ему об этом, просто взбесился, и она больше никогда так не делала.

Когда-то Мисс Мэри могла по памяти нарисовать карту

Соединенных Штатов и наизусть знала всю периодическую таблицу химических элементов. Она преподавала в школе с одной-единственной классной комнатой, всю жизнь заваривала лечебные чаи и продавала, как она сама называла их, порошки для похудения. Дайм за даймом, доллар за долларом, и она послала своих сыновей в колледж, а затем отправила Картера в медицинскую школу. Теперь она носила памперсы и не могла уследить за историей о садоводстве, что печаталась в «Пост-энд-Курьер».

Патриция почувствовала сильную пульсирующую боль в травмированном ухе и поднялась за тайленолом. Она как раз приняла три таблетки, когда зазвенел телефон. На часах было 9:02. Звонить раньше девяти было невежливо, и никто не хотел выглядеть слишком нетерпеливым.

– Патриция? Это Грейс Кавана. Как ты?

По каким-то причинам Грейс представлялась в начале каждого телефонного разговора.

– Мне грустно, – ответила Патриция. – Представляешь, она откусила мочку моего уха и проглотила ее.

– Грусть – одна из стадий преодоления стресса.

– А еще она проглотила мою сережку, – пожаловалась Патриция. – Ту самую, новую, что была на мне прошлым вечером.

– Какая жалость.

– Оказалось, Картер получил их от одного своего пациента бесплатно. Он даже не покупал их.

– Тогда они тебе тем более не нужны, – успокоила ее Грейс. – Сегодня утром я разговаривала с Беном. Он сказал, что Энн Сэвидж положили в интенсивную терапию. Если я еще что-нибудь узнаю, я тебе сообщу.

Телефон звонил не переставая. О происшествии не написали в утренних газетах, но это не имело никакого значения. Никакая пресса, теле- или радиоккомпания не могли сравниться по скорости сбора и распространения информации с женским населением Олд-Вилладж.

– Все принялись ставить тревожные кнопки, – сообщила Китти. – Хорс сказал, что позвонил насчет этого и ему ответили, что смогут приехать и осмотреть дом только через три недели. Я не знаю, как мы будем жить все это время. Хорс говорит, что волноваться не о чем, так как у него есть ружья, но, поверь мне, с этим человеком я ходила на охоту на голубей – он едва может попасть даже в небо.

Следующей была Слик.

– Все утро я молилась за тебя.

– Спасибо, Слик.

– Я слышала, что племянник миссис Сэвидж приехал сюда откуда-то с севера.

Ей не потребовалось давать каких-либо дальнейших разъяснений. Все знали, что север более или менее везде одинаков: беззаконен, относительно дик, и, хотя там есть хорошие музеи и статуя Свободы, северяне настолько безразличны друг к другу, что могут позволить людям умирать прямо

на улице.

– Лиланд сказал мне, – продолжила Слик, – что несколько агентов по недвижимости заходили и пытались уговорить племянника выставить дом на продажу, но он не хочет этого делать. Никто из них не видел миссис Сэвидж, когда был там, племянник говорил, что она очень слаба и не встает с постели. Как твое ухо?

– Часть его она проглотила.

– Какая жалость! – посочувствовала Слик. – Это были такие замечательные сережки!

Позже в тот же день снова позвонила Грейс и сообщила шокирующую новость:

– Патриция? Это Грейс Кавана. Я только что узнала от Бена, что миссис Сэвидж час назад скончалась.

Патриция внезапно ощутила страшную слабость и едва не упала. На кухне как будто выключили весь свет – стало темно и неуютно. Желтый линолеум показался ей протертым до дыр, она различала каждую царапину, каждое пятно, оставленное грязными руками возле выключателя.

– Как? – спросила она.

– Это не бешенство, как ты, наверное, подумала. Какое-то заражение крови. Она страдала от недоедания и была сильно обезвожена. А еще на ней нашли множество инфицированных язв и порезов. Бен сказал: врачи удивились, что она протянула так долго. Он даже сказал, – тут Грейс понизила голос, – что у нее были следы от инъекций на внутренней

стороне бедра. Наверное, она колола себе какие-то болеутоляющие. Уверена, никто из семьи не хотел бы, чтобы это выплыло наружу.

– От всего этого я чувствую себя такой несчастной.

– Ты опять про эти сережки? – возмутилась Грейс. – Если бы даже ты смогла вернуть ту, что она проглотила, смогла бы ты заставить себя снова надеть ее? Зная, где она побывала?

– Я думаю, что нужно зайти к нему и что-нибудь принести, – предположила Патриция.

– Принести что-то племяннику? – почти по слогам проговорила Грейс, постепенно повышая голос так, что слово «племянник» было произнесено тоном, в котором слышались явные нотки недоверия.

– Его тетя скончалась, – попыталась объяснить Патриция. – Я должна что-то сделать.

– Зачем? – недоуменно спросила Грейс.

– Что лучше: принести ему цветы или что-нибудь съестное?

На том конце провода возникла долгая пауза, затем Грейс твердо проговорила:

– Я не уверена, как надо относиться и какие шаги предпринимать по отношению к семье, член которой откусил тебе ухо, но если ты абсолютно уверена, что визит необходим, то я бы точно не советовала брать с собой ничего съестного.

В субботу позвонила Мэриэллен, и это решило все.

– Я думаю, ты должна знать, – сказала она в трубку. – Вче-

ра была кремирована Энн Сэвидж.

После того как ее младшая дочь пошла в первый класс, Мэриэллен устроилась бухгалтером в похоронное бюро Штура. Она была в курсе каждой смерти, произошедшей в Маунт-Плезант.

– Тебе что-нибудь известно о поминальной службе или приеме пожертвований? – спросила Патриция. – Мне бы хотелось послать им что-нибудь.

– Племянник заказал самую простую кремацию. Никаких цветов, никакой поминальной службы, никакого некролога. Я думаю, что он даже не удосужился сложить прах в урну, ну, если, конечно, не приобрел ее где-то на стороне. Вероятнее всего, просто выбросил.

Патриция чувствовала себя очень неудобно. Что-то грызло ее изнутри. И вовсе не из-за подозрения, что то, что она не посадила Пёстрика на цепь или не стала выгуливать его на поводке, как-то способствовало смерти миссис Сэвидж. Настанет время, когда она достигнет возраста миссис Сэвидж и Мисс Мэри. Поступят ли Кори и Блю так же, как братья Картера, и выкинут ли мать из своей жизни, как прокисший фруктовый пирог? Будут ли они спорить о том, чья очередь заботиться о ней? Если Картер умрет, продадут ли они их дом, ее книги, ее мебель, поделят ли выручку, не оставив ей ничего своего?

Каждый раз, когда она поднимала голову и видела, как Мисс Мэри стоит у двери, одетая для прогулки, с сумочкой

на руке и молча смотрит на нее, похоже не зная, что делать дальше, Патриция чувствовала, что остается всего несколько коротких шагов до того момента, как сама она, присев на корточки, начнет запихивать в рот сырое мясо убитого енота.

Умерла женщина. Надо было что-то сделать, что-то принести в ее дом. Грейс права: в этом не было никакого смысла, но подчас мы всё делаем только потому, что делаем, а не потому, что в этом есть какой-то смысл.

Глава 6

Всю пятницу в дом Кэмпбеллов приходили друзья и родственники. Они принесли шесть букетов цветов, два номера «Жизни на Юге», один «Рэдбук», три запеканки (с кукурузой, со шпинатом и с тако), фунт кофе, бутылку вина и два пирога (с бостонским кремом и с персиками). Патриция решила, что одну из запеканок вполне можно передарить – это как раз то, что нужно в данной ситуации, и она выбрала тако.

На следующий день, несмотря на выходной, Картер ушел в больницу очень рано. Патриция нашла миссис Грин и Мисс Мэри на заднем дворе. Утро было теплым и нежным, миссис Грин листала журнал «Семейный круг»²⁸, а Мисс Мэри пристально смотрела на кормушку для птиц, как обычно облепленную белками.

– Греетесь на солнышке, Мисс Мэри? – спросила Патриция.

Мисс Мэри подняла на нее слезящиеся глаза и нахмурилась.

---

²⁸ «Жизнь на Юге» (Southern Living) – журнал о стиле жизни, предназначенный для читателей на Юге США, публикует рецепты, планы домов и садов, информацию о культуре Юга и о путешествиях, издается с 1966 года; «Рэдбук» (Redbook) – американский женский журнал, издаваемый с 1903 года; «Семейный круг» (Family Circle) – американский журнал, освещавший такие темы, как домашнее хозяйство, кулинарные рецепты и здоровье. Издавался с 1932 по 2019 год.

– Прошлой ночью приходил Хойт Пикенс, – сообщила она.

– Ваше ухо выглядит намного лучше, – сказала Патриции миссис Грин.

– Спасибо.

Пёстрик, лежавший у ног Мисс Мэри, оживился, когда толстая болотная крыса выпрыгнула из кустов и помчалась по траве, заставив Патрицию подпрыгнуть, а трех белок в страхе отскочить от кормушки. Крыса метнулась вдоль забора, отделяющего их собственность от двора Лангов, и скрылась так же быстро, как и появилась. Пёстрик снова опустил голову.

– Вам надо приобрести яд, – посоветовала миссис Грин.

Патриция отметила про себя, что нужно позвонить в службу дератизации и спросить, есть ли у них крысиный яд.

– Я собираюсь отнести соседям запеканку, – сказала она.

– А мы как раз собираемся обедать, – ответила миссис Грин. – Как насчет того, чтобы пойти пообедать, Мисс Мэри?

– Хойт, – произнесла Мисс Мэри. – Как его звали, этого Хойта?

Патриция быстро написала короткую записку: «Сочувствуем вашей потере. Семья Кэмпбелл», – и прикрепила к фольге поверх запеканки. Затем вышла на согретую солнцем улицу и направилась к дому миссис Сэвидж, держа замороженное блюдо перед собой.

Приятное утро превратилось в довольно жаркий день, и когда она свернула на грязный двор миссис Сэвидж, уже слегка поблескивала от пота. Племянник, похоже, был дома, так как его белый фургон стоял в тени на траве. Он сильно отличался от других машин в Олд-Вилладж и, как и сказала Грейс, походил на автомобиль похитителей детей.

Патриция поднялась по деревянным ступеням крыльца и костяшками пальцев постучала в затянутую москитной сеткой дверь. После минутного ожидания она постучала снова. В доме было тихо, она слышала лишь эхо своего стука да стрекот цикад в дренажном пруду, отделяющем двор миссис Сэвидж от Джонсонов, которые жили по соседству.

Патриция, постучав еще раз, в ожидании ответа принялась рассматривать участок через улицу, где застройщики снесли дом Шортриджей, у которого была самая красивая шиферная крыша во всем Олд-Вилладж. Теперь на его месте кто-то из вновь приехавших строил вычурный особняк, этакий замок в миниатюре. В последнее время все больше подобных раздражающих глаз монстров появлялось то здесь, то там. Они вспучивались до самых границ участков, не оставляя места для двора.

Патриция хотела оставить запеканку у двери, но разве она могла, преодолев весь этот путь, даже не поговорить с родственником миссис Сэвидж. Решив посмотреть, не заперта ли дверь, Патриция открыла москитную сетку и осторожно повернула ручку. «Просто оставлю запеканку с запиской на

кухне», – сказала она себе. Какое-то мгновение казалось, что дверь заперта, но тут она широко распахнулась.

– Ау-у! – крикнула Патриция, заглядывая в полутемную прихожую.

Никакого ответа. Патриция вошла в дом. Все жалюзи были опущены, шторы наглухо задернуты. В доме было душно и жарко. Пахло пылью.

– Э-эй! Это Патриция Кэмпбелл с Пьератес-Круз.

Лишь эхо.

Прежде она никогда не бывала внутри этого дома. Тяжелая старая мебель теснилась в передней. На полу валялись коробки из винного магазина и бумажные упаковки от фастфуда. На всех стульях – циркуляры, каталоги, скатанные в рулоны старые номера местной газеты. У стены выстроились в ряд четыре серых от пыли чемодана «Самсонит». Встроенные вокруг входной двери полки заполняли опухшие от сырости женские романы. Пахло как на барахолке «Гудвилл».

За дверным проемом слева виднелась темная кухня, дверь справа вела в заднюю часть дома. На потолке сонно крутился вентилятор. Патриция внимательно взгляделась в коридор справа, увидела в глубине полуприкрытую дверь и предположила, что там находится спальня. Из комнаты доносился стон оконного кондиционера. Раз он работает, то наверняка племянник дома.

Затаив дыхание, Патриция медленно прошла по коридору

и отворила дверь.

– Тук-тук?

Человек, что лежал на кровати, был мертв.

Он лежал поверх одеяла прямо в рабочих ботинках, синих джинсах и белой рубашке на пуговицах. Руки вытянулись вдоль туловища. Мужчина был очень высок, и его ноги свисали с конца кровати. Но, несмотря на огромный рост, он выглядел изможденным. Плоть плотно прилегала к костям. Желтоватая кожа его лица, туго натянутая на череп, была покрыта мелкими морщинками, а светлые волосы выглядели тонкими и ломкими.

– Простите? – чуть слышно просипела Патриция.

Она заставила себя войти в комнату, поставить запеканку на край кровати и протянуть руку к запястью, чтобы пощупать пульс. Кожа была прохладной, пульса не было.

Патриция внимательно осмотрела лицо мужчины: тонкие губы, широкий рот, высокие скулы. Оно было даже симпатичным, если не сказать красивым. На всякий случай она потрясла человека за плечо.

– Сэр, – хрипло позвала она. – Сэр!

Ни один мускул его тела не дрогнул под ее рукой. Она поднесла указательный палец к его ноздрям: ничего. И тут ее инстинкты медицинской сестры взяли верх.

Одной рукой она оттянула вниз его подбородок, другой подняла выше верхнюю губу. Указательным пальцем залезла ему в рот: язык был сухим, ничто не мешало дыханию. Пат-

риция наклонилась к его лицу и внезапно, по тому, как заструилась кровь в ее венах, поняла, что вот уже девятнадцать лет, как она не была так близко ни к одному мужчине, не считая мужа, конечно. Затем она накрепко прижалась своими сухими губами к его потрескавшемуся рту. Зацепила двумя пальцами его нос и сделала три сильных выдоха прямо ему в трахею. После этого – три нажатия на грудную клетку.

Ничего. Она наклонилась для второй попытки. Крепкое кольцо из губ. Три мощных выдоха. Один, два... Ее трахея завибрировала от встречного потока воздуха. Она закашлялась и приподняла голову. Мужчина резко сел, его лоб глухо стукнулся о челюсть Патриции, и женщина резко отшатнулась, впечатавшись в стену с такой силой, что из легких выбило весь воздух. Ноги подкосились, и она съехала на пол. Мужчина, наоборот, вскочил, вращая глазами и опрокинув блюдо с запеканкой на пол.

– Какого черта?! – заорал он.

Он окинул комнату диким взглядом и на полу у своих ног увидел Патрицию. Его грудь вздымалась, рот был широко раскрыт, ничего не понимая, он прищурился в полумраке и яростно прорычал:

– Как вы попали сюда? Кто вы?!

Патриции удалось немного отдышаться, и она с трудом пропищала:

– Патриция Кэмпбелл с Пьератес-Круз.

– Что? – гавкнул он.

– Я думала, вы мертвы, – пролепетала Патриция.

– Что? – снова гавкнул он.

– Я делала вам искусственное дыхание. Ведь вы не дышали.

– Что? – снова как заведенный пролаял он.

– Я ваша соседка... – Патриция съежилась. – С Пьератес-Круз...

Мужчина посмотрел в сторону коридора. Потом на кровать. На Патрицию у своих ног.

– Черт, – сказал он, и его плечи опустились, как будто сдулись.

– Я принесла вам запеканку. – Патриция указала на перевернутое блюдо.

– Вы пришли сюда, чтобы вручить мне запеканку? – Его дыхание становилось спокойнее.

– Сочувствую вашей потере. Я... Ваша тетушка была найдена в моем дворе... И дело приняло немного странный поворот... Может быть, вы видели мою собаку? Метис кокер-спаниеля? Он... э-э-э... ну, может быть... и хорошо, что вы не видели... Я искренне надеюсь, что вашей тете стало хуже не оттого, что случилось в нашем доме...

– Вы принесли мне запеканку, потому что умерла моя тетька, – медленно проговорил мужчина, словно растолковывая это самому себе.

– Вы не подходили к двери, – объясняла Патриция. – Поэтому я просунула голову в дверь...

– И в коридор, и в мою спальню.

Патриция почувствовала себя полной дурой.

– Здесь никто о таком не задумывается. Это Олд-Вилладж. Вы не дышали.

Слегка раскачиваясь из стороны в сторону, он несколько раз зажмурился, широко открывая глаза после каждого раза.

– Я очень... очень устал.

Патриция поняла, что он не собирается помочь ей подняться, и сама встала на ноги.

– Позвольте мне тут все убрать, – сказала она, пытаясь дотянуться до блюда. – Я чувствую себя такой идиоткой.

– Нет, – ответил племянник миссис Сэвидж. – Вам надо уйти.

Его трясло, голова дергалась вверх-вниз и из стороны в сторону.

– Это займет всего лишь минуту, – настаивала Патриция.

– Пожалуйста. Пожалуйста, просто идите домой. Оставьте меня в покое.

Он оттеснил ее за дверь спальни.

– Только возьму тряпку. Уверяю вас, не останется и следа, – уговаривала Патриция, пока он толкал ее дальше по коридору. – Я ужасно переживаю из-за того, что вломилась к вам, а мы даже не были друг другу представлены, но я ясно видела, что вы не дышали, а я была медсестрой – я и есть медсестра, – и я была абсолютно уверена, что вы больны, мне очень и очень неудобно.

Пока она все это говорила, он уже выпроводил ее в загроможденную переднюю, открыл входную дверь и стоял за нею, прищурившись, со слезящимися глазами, и она чувствовала, что он хочет, чтобы она немедленно ушла.

— Пожалуйста, — сказала она, уже держась за ручку москитной сетки. — Мне так жаль — я совсем не хотела вас так беспокоить.

— Мне надо вернуться в постель, — сказал он, и его рука потихоньку подталкивала ее в спину. И вот она уже прошла через сетчатую дверь, оказалась на ярко освещенном солнцем крыльце, и входная дверь захлопнулась. Патриция очень надеялась, что никто не видел, как она проникла внутрь. Она бы просто умерла, если бы кто-нибудь узнал о ее глупом поступке.

Она повернулась и подпрыгнула от неожиданности, так как именно в этот момент во дворе показался нос темного седана. Сквозь блики солнца на ветровом стекле она увидела Франсин, женщину, которая помогала Энн Сэвидж по хозяйству. Франсин была пожилой, с лицом, похожим на печеное яблоко, и вряд ли кто еще в Олд-Вилладж взял бы ее на работу — слишком уж пакостный был у нее характер.

Глаза Франсин и Патриции встретились. Патриция помахала рукой в вялой имитации приветствия, затем, низко опустив голову, заспешила вверх по улице, перебирая в уме всех, кому Франсин могла бы рассказать об этой встрече.

Глава 7

Всю дорогу до дома Патриция вспоминала вкус губ племянника Энн Сэвидж: вкус растолченных в пыль специй, мягкой и одновременно шершавой кожи. От этих воспоминаний кровь закипела в жилах, но позже, исполнившись вины, она дважды почистила зубы и полоскала найденным в прихожей старым «Листерин» рот до тех пор, пока он не пропах искусственной мятой.

Весь остаток дня она провела в страхе, ожидая, что вот-вот придет кто-нибудь и спросит, что она делала в доме Энн Сэвидж. Она была в ужасе, что может столкнуться с Франсин в супермаркете. Она подпрыгивала при каждом телефонном звонке, думая, что это звонит Грейс – сообщить, что слышала о том, как Патриция делала искусственное дыхание спящему мужчине.

Но пришла ночь, и никто ничего не сказал, и, хотя она так и не смогла за ужином посмотреть Картеру в глаза, к моменту, как пришло время ложиться спать, она совсем забыла вкус губ племянника миссис Сэвидж.

На следующее утро, где-то между попытками сообразить, где в течение недели нужно высаживать, а где подхватывать Кори, и контролем за Блю, чтобы он готовился к государственному и местному экзаменам по истории, а не читал книгу об Адольфе Гитлере, вся история с Франсин совер-

шенно вылетела у Патриции из головы.

Она убедилась, что Кори и Блю зачислили в летний лагерь (Кори – в спортивный, а Блю – в научный лагерь дневного пребывания), позвонила Грейс, чтобы попросить у нее телефон кого-нибудь, кто мог бы разобраться с кондиционером, закупились бакалейными товарами, упаковала обеды, сдала библиотечные книги, подписала табели успеваемости (слава богу, этим летом обошлось без дополнительных занятий). По утрам она едва видела Картера, когда он выскакивал за дверь («Обещаю, – говорил муж, – как только все закончится, мы с тобою поедem на пляж»). Неделя пролетела как один день, и вот они сидят за ужином, и Кори опять жалуется на что-то.

– Ты совсем меня не слушаешь? – спросила дочь.

– Прости. – Патриция повернулась к ней.

– Я не могу понять, почему у нас опять нет кофе, – сказал Картер с другого конца стола. – Дети что, едят его?

– Гитлер говорил, что кофе – яд, – сообщил Блю.

– А я говорю, – повторила Кори, – что окна в комнате Блю выходят на реку, он может открыть окно и наслаждаться свежим бризом, а еще у него вентилятор на потолке. Это нечестно. Почему у меня в комнате нет вентилятора? Или почему я не могу пожить у Лори, пока вы чините кондей?

– Ты не можешь пожить у Лори, – сказала Патриция.

– А чего ради тебе жить у Гибсонов? – спросил Картер.

По крайней мере, когда детям взбредали в голову всякие

иррациональные вещи, родители всегда были заодно.

– Потому что кондиционер сломан, – сказала Кори, гоня вилкой по тарелке куриную грудку.

– Он не сломан, – возразила Патриция. – Просто не очень хорошо работает.

– Ты вызвала того, кто его починит? – спросил Картер.

Патриция бросила на него быстрый взгляд, который на секретном языке родителей означал: «При детях мы должны гнуть одну линию, а кондиционер обсудим позже».

– Так ты никого не вызвала, не так ли? – продолжил Картер. – Кори права. В доме слишком жарко.

Стало ясно, что Картер не понимает секретного языка.

– У меня есть фотография, – сказала Мисс Мэри.

– И что там, мама? – спросил Картер.

Он считал важным, чтобы его мать ела вместе с ними так часто, как это возможно, хотя каждый раз, когда она приходила за стол, приходилось сражаться с Блю. Она роняла половину еды, что подносила ко рту, себе на колени, а ее стакан был полон пищи, которую она забывала прожевать, прежде чем глотнуть воды.

– На фотографии можно увидеть того человека... Мужчину.

– Хорошо, мама, – сказал Картер.

Как раз в этот момент с потолка упал таракан и приводнился прямо в стакан Мисс Мэри.

– Мама! – взвизгнула Кори, вскакивая со своего места.

– Таракан! – воскликнул Блю, в нетерпении оглядывая потолок в поисках еще одного.

– Попался! – крикнул Картер, углядев другого на люстре и пытаясь достать его при помощи дорогой льняной салфетки.

Сердце Патриции екнуло. Она представила, как этот инцидент становится семейной историей о том, как плохо она заботилась о доме, как дети пересказывают ее друг другу спустя много лет. «А помнишь? – будут говорить они. – В нашем доме было так грязно, что однажды даже таракан упал с потолка прямо в стакан бабушки Мэри? Помнишь?»

– Мама! Это отвратительно! – вдруг закричала Кори. – Мама! Не позволяй ей пить это!

Патриция оторвалась от своих размышлений и увидела, как Мисс Мэри поднимает стакан, готовясь отпить из него, а таракан яростно машет лапками в мутной воде, сражаясь за жизнь. Патриция буквально взлетела со стула, забрала у Мисс Мэри стакан и вылила его содержимое в раковину, пустила воду, смыла таракана и куски пищи, затем включила измельчитель мусора.

И в эту минуту раздался звонок в дверь.

Кори все еще выступала в столовой, а Патриции вовсе не хотелось видеть это представление, поэтому она поспешно крикнула: «Я открою!» – и пошла через нижний холл в темную прихожую. Но даже сюда долетал рассерженный голос Кори. Патриция открыла дверь и почувствовала, как краска заливает ее лицо: на крыльце под фонарем стоял племянник

миссис Сэвидж.

– Надеюсь, не помешал. Я пришел вернуть вам блюдо для запеканки.

Она не могла поверить, что это один и тот же человек. Он все еще был бледен, но кожа его выглядела мягкой, без единой морщинки, а разделенные на пробор волосы – густыми и здоровыми. Рубашка цвета хаки была заправлена в новые синие джинсы, а закатанные до локтей рукава демонстрировали большие сильные руки. Легкая улыбка пряталась в уголках тонких губ, словно он улыбался шутке, известной только им двоим. Патриция почувствовала, как ее рот начинает сам по себе улыбаться в ответ. В одной руке мужчина держал стеклянное блюдо для запеканки. Идеально чистое.

– Я так виновата, что вломила в ваш дом. – Патриция подняла руку, чтобы прикрыть улыбку.

– Патриция Кэмпбелл. Видите, я запомнил ваше имя и посмотрел в адресную книгу. Я знаю, как люди относятся к тому, что, принося угощение, никогда не получают обратно свою посуду.

– Право, не стоило беспокоиться. – Патриция потянулась за блюдом. Он не отдавал его.

– Я должен извиниться за свое поведение.

– О нет! Это моя вина, – сказала Патриция, думая о том, насколько сильно она может попробовать потянуть блюдо из его рук, чтобы это не показалось грубым. – Вы, должно быть, думаете, что я дура... прервала ваш сон... Но я действи-

тельно думала, что вы... Видите ли, я работала медицинской сестрой. Даже не представляю, как я могла допустить такую глупую ошибку! Мне очень стыдно.

Он поднял брови и наморщил лоб, его лицо стало выглядеть действительно сочувственно.

– Вы так много извиняетесь.

– Я извиняюсь, – быстро вставила она.

И, внезапно поняв, что делает, похолодела, но, вероятно, от волнения еще больше ухудшила свое положение, выпалив:

– Не извиняются только психопаты.

Сказав это, она тут же об этом пожалела и подумала, что лучше бы вообще ничего не говорила. Некоторое время он внимательно смотрел на нее:

– Печально это слышать.

Они стояли, глядя друг на друга, пока она переваривала, что он сказал, затем она рассмеялась. Через секунду он присоединился к ней. Он выпустил блюдо, и она прижала его к телу словно щит, выставив перед собой на уровне желудка.

– Я больше не буду говорить, что извиняюсь, – пообещала она. – Может, начнем по новой?

– Джеймс Харрис. – Он протянул свою большую руку. Она пожала ее. Ладонь была прохладной и сильной.

– Патриция Кэмпбелл.

– А еще я ужасно сожалею об этом, – сказал он, дотрагиваясь до своего левого уха.

Вспомнив о своем изуродованном ухе, Патриция слегка

повернулась влево и быстро пальцами начесала волосы, чтобы прикрыть швы.

– Что ж, – сказала она. – Наверное, поэтому у людей их два.

На этот раз первым засмеялся он.

– Но не все так щедро ими разбрасываются.

– Не помню, чтобы у меня был выбор. – Улыбкой она дала ему понять, что шутит. Он улыбнулся в ответ. – Вы были близки? Вы и ваша тетя?

– Все в нашей семье предпочитают одиночество. Но если кому-то из родни нужна помощь, мы приезжаем.

Ей хотелось закрыть дверь и, стоя здесь, на крыльце, вести действительно взрослый разговор с этим человеком. Она тогда так испугалась его, а он был теплым, смешным, и ей очень нравилось, как он смотрит на нее. Из дома слышались резкие голоса. Она смущенно улыбнулась и поняла, что есть только один способ заставить его остаться.

– Не хотели бы вы познакомиться с моей семьей?

– Боюсь помешать вам ужинать.

– Наоборот, вы бы сделали мне большое одолжение, если бы согласились.

Какую-то долю секунды он, казалось, оценивающе разглядывал ее без всякого выражения на лице, но наконец улыбнулся:

– Ну, если это действительно приглашение.

– Считайте себя приглашенным.

Она уступила ему дорогу. Мгновение спустя он перешагнул через порог ее дома и вошел в темную прихожую.

— Мистер Харрис, — бросила она ему вдогонку, — а вы ведь не скажите никому о... — Она кивнула на блюдо в своих руках. — Ну... обо всем этом, ладно?

Он посерьезнел:

— Это будет наш с вами секрет.

— Спасибо.

Когда она ввела его в ярко освещенную столовую, все разговоры тут же прекратились.

— Картер, это Джеймс Харрис. Внучатый племянник Энн Сэвидж. Джеймс, это мой муж, доктор Картер Кэмпбелл.

Картер автоматически поднялся и пожал ему руку, как будто каждый день встречал племянников женщины, откусившей ухо его жене. Блю и Кори, наоборот, с ужасом смотрели то на мать, то на гигантского незнакомца, недоумевая, зачем она привела его в их дом.

— Это наш сын, Картер-младший, но мы называем его Блю, а это наша дочь, Кори.

Пока Джеймс пожимал руку Блю и обходил стол, чтобы поздороваться с Кори, Патриция, словно его глазами, рассматривала свою семью: Блю смотрел на незнакомца с вызовом, Кори стояла за стулом в своей толстовке с капюшоном и футбольных шортах и откровенно разглядывала его, как будто он был каким-то неведомым зверем, выставленным в зоопарке. Мисс Мэри что-то старательно пережевывала, гу-

бы и челюсти ее непрестанно двигались, хотя рот был пуст.

— А это Мисс Мэри Кэмпбелл, моя свекровь, — представила ее Патриция. — Она живет с нами.

Джеймс Харрис протянул руку Мисс Мэри, которая продолжала посасывать собственные губы, с алчностью поглядывая на солонку и перечницу.

— Приятно с вами познакомиться, мадам.

Мисс Мэри, подняв на него свои слезящиеся глаза, некоторое время изучала его лицо, подбородок ее подрагивал, затем взгляд опять вернулся к солонке и перечнице.

— У меня есть фотография, — произнесла она.

— Простите, что помешал вашему ужину, — сказал Джеймс, убирая руку. — Я просто зашел, чтобы вернуть блюдо.

— Не хотите ли присоединиться к нашему десерту? — спросила Патриция.

— Я не могу... — начал Джеймс Харрис.

— Блю, убери со стола, — распорядилась Патриция. — Кори, принеси креманки.

— На самом деле я ужасный сладкоежка, — признался гость, когда Блю тащил мимо него стопку грязной посуды.

— Вы можете сесть здесь. — Патриция кивнула на пустой стул слева от себя. Стул жалобно заскрипел, когда Джеймс Харрис опустился на него, устраиваясь поудобнее. Ведерко мороженого устроилось на столе напротив Картера. Большой столовой ложкой он принялся скрести замерзшую поверхность.

– А чем вы зарабатываете на жизнь? – спросил он племянника миссис Сэвидж.

– Многим, – ответил Джеймс Харрис, в то время как Кори расставляла креманки для десерта перед отцом. – Но в данный момент я накопил немного денег, чтобы вложить их во что-нибудь.

Патриция встрепенулась. Он богат?

– Во что? – Картер выскребал длинные белые завитки мороженого и раскладывал их по креманкам. – Акции и облигации? Малый бизнес? Современные технологии?

– Я думал о чем-нибудь менее глобальном. Может быть, недвижимость.

Картер потянулся через стол и поставил одну креманку перед Джеймсом, затем вставил ложку с толстой рукояткой в руку матери и опустил ее в креманку, стоящую перед ней.

– Это не мое, – ответил он, потеряв интерес.

– Знаете, – вступила в разговор Патриция. – У меня есть подруга по клубу любителей книг, Слик Пейли. Ее муж, Лиланд, как раз занимается недвижимостью. Возможно, он сумеет вам что-нибудь посоветовать.

– Вы член книжного клуба? – заинтересовался Джеймс. – Я люблю читать.

– А каких авторов вы читаете? – спросила Патриция, в то время как Картер кормил свою мать, не обращая на них никакого внимания. Блю и Кори все так же пристально разглядывали гостя.

– Я большой поклонник творчества Айн Рэнд, – ответил Джеймс. – А также Кизи, Гинзбурга, Керуака. Вы читали «Дзен и искусство ухода за мотоциклом»²⁹?

– Вы – хиппи? – глядя на него в упор, спросила Кори.

Патриция ощутила, что трогательно благодарна Джеймсу за то, что он не обращает внимания на поведение ее дочери.

– Вы принимаете новых членов? – как ни в чем не бывало продолжал он.

– Фу, – сказала Кори. – Они просто кучка пожилых леди, которые собираются исключительно для того, чтобы выпить вина. Они и книг-то на самом деле не читают.

Патриция не знала, где дочь всего этого набралась. Можно было свалить это все на переходный возраст, но Мэриэллен сказала, что переходный возраст начинается тогда, когда твой ребенок перестает тебе нравиться, а Кори все еще нравилась своей матери.

– Какие книги читаете вы? – спросил Джеймс, все еще игнорируя Кори.

– Да разные. Вот совсем недавно мы прочли замечательную книгу о жизни в милом маленьком гайанском городке в семидесятых годах.

Она не уточнила, что это был «Ворон: нерассказанная ис-

---

²⁹ «Дзен и искусство ухода за мотоциклом» (Zen and the Art of Motorcycle Maintenance: An Inquiry into Values) – бестселлер американского писателя и философа Роберта Пирсига, где персонажи в течение 17-дневного путешествия ведут дискуссии о проблемах этики и философии науки.

тория преподобного Джима Джонса и его людей»³⁰.

– Они берут напрокат фильмы и притворяются, что читают книги, – продолжала выступать Кори.

– Эта книга никогда не была экранизирована. – Патриция заставила себя улыбнуться.

Теперь Джеймс Харрис внимательно смотрел на Кори.

– Есть ли какая-то причина, из-за которой ты не уважаешь свою мать? – серьезным тоном спросил он.

– Она не всегда такая, – попыталась вступить за дочь Патриция. – Все хорошо.

– Некоторые люди читают книги, чтобы лучше понять собственную жизнь, – сказал Джеймс Харрис, и Кори поежилась под его пристальным взглядом. – Вот, например, что читаешь ты?

– «Гамлета». Это у Шекспира.

– Подходящее чтение. Но я имел в виду то, что ты читаешь для себя, не то, что требуют по учебе.

– У меня нет времени сидеть над книжками. Я вообще-то в школу хожу. И я – капитан футбольной и волейбольной команд.

– Читатель проживает множество жизней, – сказал гость. – У человека, который не читает книг, жизнь всего од-

---

³⁰ Документальная книга 1982 года американских журналистов Тима Рейтермана и Джона Джейкобса, посвященная секте «Храм народов», ее основателю Джиму Джонсу, расследованию массового суицида в поселении последователей секты под названием Джонстаун и связанному с ним убийству конгрессмена США Лео Райана и членов его делегации.

на. Но если ты счастлива делать и читать только то, что тебе задают, – вперед! Не мне тебя останавливать. Мне просто кажется, что это грустно.

– Я... – начала было Кори, открыв рот, но остановилась. Никто никогда раньше не называл ее жизнь грустной. – Что бы вы ни говорили... – и она резко откинулась на спинку стула.

«Интересно, – подумала Патриция. – Должна ли я тоже обидеться на него за такую прямолинейность, защитить дочь?» Для нее это было нечто совершенно новое.

– О какой книге вы говорите? – спросил Картер, засовывая в рот матери большую порцию мороженого.

– Мы говорим о литературном клубе вашей жены. Полагаю, я неравнодушен к любителям книг. Я вырос в семье военных, но, куда бы мы ни переезжали, книги всегда были моими лучшими друзьями.

– Потому что других друзей у вас не было, – пробормотала Кори.

Мисс Мэри подняла глаза и уставилась прямо на Джеймса Харриса, Патриция физически ощущала, как скрипят мозги свекрови.

– Где деньги? – сердито спросила Мисс Мэри. – Деньги, которые ты задолжал моему отцу.

За столом воцарилась тишина.

– Что такое, мама? – спросил Картер.

– Ты украдкой вернулся в наш дом, – продолжала Мисс

Мэри. – Но я узнала тебя!

Мисс Мэри пристально смотрела на Джеймса, глаза ее грозно сверкали, редкие волоски седых бровей топорщились, обвисшая кожа вокруг рта стянулась в тугий узел. Патриция повернулась к Джеймсу и увидела на его лице странное выражение, как будто он усиленно пытался сообразить, о чем здесь идет речь.

– Она думает, что вы кто-то из ее прошлого, – объяснил Картер. – Увы, но она не всегда находится с нами.

Стул Мисс Мэри с оглушающим скрежетом отодвинулся назад.

– Мама, – Картер подхватил ее под руку, – ты закончила? Пойдем, я помогу тебе.

Она вырвала руку и выпрямилась не отрывая взгляда от Джеймса Харриса.

– Ты – седьмой сын безвкусной матери. – Мисс Мэри сделала шаг по направлению к нему. Ее двойной подбородок затрясся. – Когда настанут Собачьи дни³¹, мы проткнем гвоздями твои глаза!

Она протянула руку и уперлась ею в стол, стараясь удержаться в вертикальном положении. Покачиваясь, она нависала над Джеймсом Харрисом.

– Мама, – сказал Картер. – Успокойся.

– Ты думал, никто не узнает тебя, – продолжала Мисс Мэ-

---

³¹ *Собачьи дни* (англ. Dog Days) – самый жаркий период лета, обычно считается с 3 июля по 11 августа.

ри. — Но у меня есть твоя фотография, Хойт.

Не двигаясь и даже не мигая, мистер Харрис смотрел на нее.

— Хойт Пикенс! — Мисс Мэри плюнула. Вероятно, она хотела, чтобы у нее это получилось так же лихо, как у деревенского лоточника, но вместо мощного плевка, в пыль разбивающего придорожную грязь, жидкая слюнная масса, щедро сдобренная ванильным мороженым с кусочками непрожеванного цыпленка, пузырем вздулась на ее губах, потом повисла на подбородке и наконец плюхнулась на воротник платья.

— Мама! — воскликнул Картер.

Патриция увидела, как Блю, чуть не задохнувшись от смеха, прикрыл рот салфеткой, Кори отодвинулась на стуле подальше от бабушки, а Картер с другой салфеткой в руке потянулся к матери.

— Простите, — сказала Патриция, обращаясь к Джеймсу Харрису.

— Я знаю, кто ты! — крикнула Мисс Мэри. — Пусть ты и не напаялил на себя свой костюм цвета мороженого.

В этот момент Патриция просто ненавидела свою свекровь. В кои-то веки сюда пришел интересный человек, чтобы поговорить о книгах, а та лишила ее даже этого удовольствия.

Совсем не заботясь о том, что может показаться грубой, Патриция схватила Мисс Мэри под мышку и увела из сто-

ловой. Было слышно, что едва они вышли из комнаты, как Картер и Кори одновременно заговорили, а мистер Харрис поднялся, но Патриция все-таки надеялась, что еще застанет его в столовой, когда вернется. Она притащила Мисс Мэри в ее комнату, усадила в кресло и вручила пластиковую миску с водой и зубную щетку. Потом вернулась в столовую. Единственный, кто там был, – Картер. Склонившись над креманкой, он посасывал мороженое с ложечки.

– Он здесь? – на всякий случай спросила Патриция.

– Ушел, – ответил Картер, набивая рот мороженым. – Тебе не кажется, что мама что-то сегодня перевозбудилась?

Ложечка Картера звякнула о дно креманки, он встал и вышел из-за стола, предоставив Патриции убирать за ним посуду. Он даже не попытался узнать, что она думает по поводу всего случившегося. В этот момент Патриция страстно ненавидела свою семью. И ей очень хотелось снова увидеть Джеймса Харриса.

Глава 8

Вот как случилось, что следующий полдень застал ее на крыльце желто-белого коттеджа Энн Сэвидж.

Она постучала в дверь с москитной сеткой и подождала. Перед новым особняком через улицу цементовоз вываливал серую вязкую массу в деревянную опалубку для подъездной дорожки. Белый фургон Джеймса Харриса стоял на переднем дворе. Лучи солнца отражались от затемненных окон, заставляя Патрицию шуриться.

С громким треском входная дверь оторвалась от липкой, нагретой солнцем краски. На пороге стоял Джеймс Харрис в огромных темных очках.

– Надеюсь, я не разбудила вас. Я хотела извиниться за вчерашнее поведение моей свекрови.

– Входите скорее, – сказал он, поспешно отступая в тень.

Она представила себе глаза, наблюдающие за ней из всех окон вверх и вниз по улице. Она не могла еще раз войти в этот дом. И где же Франсин? Она чувствовала себя беззащитной и смущенной. И как она не подумала об этом раньше?

– Давайте поговорим здесь, – сказала она, стоя в темном проеме дверей. Все, что она видела, – это его большая бледная рука, лежащая на краю двери. – Здесь такое ласковое солнце.

– Пожалуйста, – сказал он несколько напряженным тоном. – Есть кое-какие обстоятельства.

Патриция испытала искреннее сожаление, услышав это, но все равно никак не могла заставить себя зайти внутрь.

– Оставайтесь или уходите, – зло проговорил Джеймс. – Я не могу быть на солнце.

Оглядев всю улицу, Патриция быстро скользнула в дом.

Он отодвинул ее в сторону, чтобы захлопнуть входную дверь, и ей пришлось продвинуться к холлу. К ее великому удивлению, там оказалось относительно пусто. Вся мебель была отодвинута к стенам вместе с чемоданами, сумками и картонными коробками с барахлом. Позади Джеймс запер дверь и прислонился к ней спиной.

– Сегодня дом выглядит намного лучше, чем в прошлый раз, – сказала она, просто чтобы поддержать разговор. – Франсин замечательно здесь поработала.

– Кто?

– Я видела, как она приехала к вам, когда вышла из вашего дома... тогда... – пояснила она. – Франсин. Вашу уборщицу.

Джеймс Харрис стоял и смотрел на нее сквозь свои солнечные очки, такие темные, что глаза казались провалами в никуда. Патриция уже собиралась сказать, что ей нужно идти, как ноги его подкосились и он медленно съехал по двери вниз.

– Помогите мне, – еле слышно проговорил он.

Его пятки беспомощно скребли по полу, руки бессильно

свисали. Вновь сработали инстинкты медсестры, она подошла поближе, широко расставила ноги и, засунув руки ему под мышки, потянула изо всех сил. Он был тяжелым, крепким и очень холодным. И когда он всем своим массивным телом поднялся перед ней, она почувствовала, что его физическое присутствие ошеломило ее. Ее ладони тут же вспотели, и кровь запульсировала в венах до самых предплечий.

Он упал вперед, всем своим весом обрушившись на ее плечи, и от такого близкого контакта у Патриции закружилась голова. Вдвоем они доковыляли до кресла-качалки с продавленной спинкой, стоящего около стены, и он тяжело опустился на сиденье. Освободившись от его веса, она ощутила себя легкой, легче воздуха. Ее ноги едва касались пола.

– Что с вами?

– Меня укусил волк.

– Здесь?

Она видела, как напрягались и расслаблялись мускулы его ног, когда он бессознательно начал медленно раскачиваться в кресле: вперед-назад... вперед-назад...

– Когда я был молод. – Он улыбнулся белозубой болезненной улыбкой. – А может быть, это была всего-навсего бродячая собака, а я придумал, что это был волк, потому что так романтичнее.

– Я вам сочувствую. Было плохо?

– Все думали, что я умру. Несколько дней меня лихорадило, а когда я поправился, оказалось, что это как-то повлия-

яло на мозг – какие-то незначительные повреждения, но они нарушили регулировку сужения и расширения зрачка.

Патриция с облегчением вздохнула, так как все начало потихоньку становиться на места.

– Должно быть, это тяжело.

– Мои зрачки не очень хорошо расширяются, – сказал он. – Поэтому особенно тяжело днем. Из-за этого мои биологические часы сбиты напрочь.

Он беспомощно указал на вещи, стоящие вдоль стен.

– Нужно столько сделать, а я, право, даже не знаю, с чего начать, – вздохнул он. – Я в полной растерянности.

Она посмотрела на коробки и пакеты из винного магазина, подпирающие стены: в них была свалена старая одежда, записные книжки, тапочки, медикаменты, пяльцы для вышивания, пожелтевшие программы телепередач, пластиковые мешки с вещами, наборы проволочных вешалок, пыльные фотографии в рамках, стопки вязаных шерстяных платков, отсыревшие каталоги с купонами из местного супермаркета, перевязанные резинкой пачки использованных карточек для бинго, стеклянные пепельницы и миски, а также шары, внутри которых были подвешены «песчаные доллары» – хрупкие маленькие ракушки морских ежей.

– Все это надо разобрать, – сказала Патриция. – Есть у вас кто-нибудь, кто мог бы помочь? Кто-нибудь из семьи? Брат? Может быть, двоюродные братья или сестры? Жена? – Джеймс отрицательно покачал головой. – Может быть, мне

поговорить с Франсин?

– Она уволилась, – буркнул он.

– Это на нее не похоже, – покачала головой Патриция.

– Я собираюсь уезжать, – сказал Джеймс Харрис, пот крупными каплями выступил у него на лбу. – Планировал остаться, но состояние моего здоровья ухудшается. Я чувствую, что мой поезд уходит, и, как бы быстро я ни бежал, мне его не догнать.

Патриции было хорошо знакомо это чувство, но она тут же вспомнила о Грейс, которая ни за что не ушла бы, пока не выяснила бы все, что можно, об этом симпатичном, кажущемся вполне нормальным человеке, но живущем здесь, в Олд-Вилладж, совершенно одиноко: без жены, без детей. Патриция никогда не встречала людей его возраста, у которых за плечами не было бы какой-нибудь интересной истории. Вполне вероятно, она могла оказаться очень маленькой или даже разочаровать ее, но сейчас, изголодавшись по впечатлениям, Патриция была рада ухватиться за любую тайну.

– Давайте посмотрим, что мы сможем сделать вдвоем. Что больше всего вас удручает?

С журнального столика на изогнутых ножках, стоящего рядом с его креслом, Джеймс поднял пачку официальных почтовых отправок, и это стоило ему таких усилий, словно та весила не меньше пяти сотен фунтов.

– Что мне делать с этим?

Она быстро просмотрела письма. Воздух в комнате был

жарким и влажным, спина уже намокла, бисеринки пота выступили на верхней губе.

– Но это все просто. – Она вернула письма на столик. – Я не понимаю, откуда это письмо, вероятно, из какого-то суда по завещаниям, но я позвоню Бадди Барру. Он как раз занимался имущественным правом. Сейчас он, конечно, на пенсии, но состоит в нашей церковной общине. Управление по гидротехническим сооружениям находится здесь рядом, надо лишь немного пройти вверх по улице, изменить имя на счете вы сможете буквально за пять минут. Офис электрической и газовой компании Южной Каролины находится за углом, там вы можете перевести счета за электричество на свое имя.

– Но все это я должен делать лично. А все эти офисы работают днем, когда я совершенно не способен сесть за руль. Из-за глаз.

– Ах... – только и произнесла Патриция.

– Если бы был кто-нибудь, кто мог бы меня туда отвезти...

Патриция тут же поняла, чего он хочет, и почувствовала, как безжалостные челюсти еще одного обязательства начинают сжиматься вокруг ее незащитного горла.

– Я бы, конечно, могла бы, – поспешно проговорила она, – но сейчас такое время: последняя школьная неделя, знаете, столько дел...

– Вы же сказали, что это займет не более пяти минут.

На какое-то мгновение ее огорошил его заискивающий

тон, но затем она почувствовала себя трусихой. Ведь она обещала помочь. А еще ей хотелось побольше разузнать о нем. Нет, она не сдастся так просто, на первом же препятствии.

— Вы правы. Я только схожу за машиной и загоню ее в ваш двор. Я постараюсь как можно ближе подъехать к крыльцу.

— А вы не можете взять мой фургон? — спросил Джеймс.

Патриция слегка оторопела. Она не могла вести чужой автомобиль. К тому же раньше она никогда не управляла фургоном.

— Я... — начала было она.

— Он с затемненными окнами, — напомнил Джеймс.

Конечно. Она кивнула, не видя другого выхода.

— Я сам себя ненавижу за то, что причиняю вам такие неудобства, когда вы так много уже сделали для меня... — начал он явно уже о другом.

Ее сердце упало, но она тут же почувствовала себя эгоисткой. Вчера вечером этот человек пришел в ее дом и был неприязненно встречен ее дочерью и оплеван свекровью. В конце концов, это человеческое существо, нуждающееся в помощи. Естественно, она должна сделать все, чтобы помочь ему.

— Что-то еще нужно сделать? — Она попыталась спросить это как можно мягче и радушнее.

Он перестал раскачиваться.

— Мой бумажник был украден, свидетельство о рождении и прочие документы хранятся дома, и я не знаю, сколько вре-

мении может потребоваться, чтобы кто-нибудь доставил их сюда. Можно сделать что-нибудь без них?

Тед Банди с фальшивым гипсом на руке просит Бренду Болл помочь ему донести книги до автомобиля. Эта картина ярко вспыхнула в памяти, но Патриция тут же в негодовании отвергла подобные мысли.

– Это письмо, в котором содержатся условия завещания, поможет вам решить проблему идентификации личности. Этого будет достаточно для водопроводной компании, там мы распечатаем счет на ваше имя с этим адресом и покажем его в офисе электрической компании. Дайте ключи, я подгоню ваш автомобиль.

Из-за затемненных окон передние сиденья тонули в легком сиреновом сумраке, что удачно маскировало их многочисленные потертости и царапины. Что действительно не понравилось Патриции в этом автомобиле – это его задняя часть. Там окна были закрыты прикрученными наглухо досками, чтобы обеспечить абсолютную темноту. Она порядком нервничала, ощущая позади себя эту черную пустоту.

В водопроводной компании обнаружилось, что Джеймс оставил деньги дома. Он очень извинялся, но Патриция без возражений выписала чек на сто долларов на внесение депозита. Он пообещал сразу же по возвращении домой вернуть ей долг. Депозит за газ и электричество был уже двести пятьдесят долларов, и она заколебалась.

– Я не могу просить вас сделать это, – сказал Джеймс Харрис.

Она посмотрела на него: его лицо уже покраснело от солнечных ожогов, под очками виднелись дорожки от бегущих из глаз слез. Ее сочувствие к Джеймсу боролось с тем, что скажет Картер, проверив баланс их чековой книжки. Но ведь это были и ее деньги, разве не так? По крайней мере, Картер всегда говорил так, стоило ей завести речь о своем личном счете: «Эти деньги принадлежат в равной степени нам обоим». Она взрослая женщина и вполне может распоряжаться счетом по своему усмотрению, даже тогда, когда надо было помочь другому мужчине.

Она выписала второй чек и тут же, пока не передумала, молниеносным движением оторвала его от корешка. Она ощущала себя деловой и эффективной. Перед ней ставили задачи, и она находила рациональные решения. Она чувствовала себя Грейс.

Когда фургон вернулся к дому Энн Сэвидж, Патриция хотела остаться на крыльце, пока Джеймс будет ходить за деньгами, но он быстро завел ее внутрь. Было уже почти два часа, и солнце палило вовсю.

– Я быстро вернусь, – сказал он, оставив ее на темной кухне.

Она размышляла, а не открыть ли холодильник, чтобы узнать, что там внутри. Или пройти по кухонным шкафам. Ведь она до сих пор ничего о нем не знала.

Скрип половиц возвестил о его возвращении.

– Вот, триста пятьдесят долларов. – Он отсчитал на стол потрепанные двадцатки и десятки. Затем улыбнулся Патриции, хотя чувствовалось, что каждое движение доставляет нестерпимую боль его обожженному лицу. – Не могу описать, как много значит для меня ваша поддержка.

– Рада помочь.

– Знаете, – начал он, но тут же замолчал, отвернулся и резко мотнул головой. – Забудьте.

– Что?

– Это будет уже слишком, – сказал он ей. – Вы были столь любезны, что я даже не знаю, как вас за это благодарить.

– Что вы хотели сказать? – потребовала Патриция.

Он застыл на месте.

– Хотели бы вы увидеть нечто действительно крутое? То, что будет нашим с вами секретом?

Мозг Патриции звонил во все колокола, предупреждая об опасности. Она прочитала достаточно, чтобы знать: любовью, кто так говорит, особенно незнакомец, вполне может попросить тебя перенести через границу некую посылочку или припарковать автомобиль около ювелирного магазина и не выключать двигатель. Но когда в последний раз кто-либо говорил ей о чем-то «крутом»?

– Конечно, – пересохшим ртом едва выговорила она.

Он ушел и вскоре вернулся с заляпанной синей спортивной сумкой. Он бросил ее на стол и открыл молнию.

Из отверстия сумки пахнуло сырым компостом, Патриция проворно наклонилась и заглянула туда. Сумка была набита деньгами: пятерками, двадцатками, десятками и однодолларовыми купюрами. У Патриции даже боль отступила от левого уха. Дыхание перехватило. Кровь застыла в жилах. Рот наполнился слюной.

– Можно мне их потрогать? – вкрадчиво спросила она.

– Вперед!

Она потянулась за двадцаткой, но решила, что это чересчур, и взяла купюру в пять долларов. К ее большому разочарованию, банкнота была самой обыкновенной на ощупь. Она запустила руку еще раз и теперь вытащила толстую пачку купюр. Это было уже куда существеннее. Только что Джеймс Харрис на ее глазах превратился из просто интересного человека в полноценную тайну.

– Я нашел это в погребке. Восемьдесят пять тысяч долларов. Думаю, это сбережения тетюшки Энни.

Это пахивало опасностью. Это было незаконно. Она хотела попросить убрать эти деньги. Она хотела попросить разрешения еще раз потрогать их.

– И что вы собираетесь со всем этим делать?

– Хотел спросить вашего совета.

– Положить их в банк?

– Можете представить, как я приду в Первый Федеральный без документов и с сумкой, полной наличных? – усмехнулся он. – Они вызовут полицию еще до того, как я успею

присесть на стул.

– Но вы не можете держать их здесь...

– Знаю, – вздохнул он. – Я совсем не могу спать, зная, что они тут. За последнюю неделю я только и думаю о том, что кто-то вот-вот вломится в дом.

Вот так внезапно Патриции открывались многие тайны, связанные с этим человеком. Он страдал не только от солнца, но и от стресса. А Энн Сэвидж была неприветливой с людьми, потому что хотела, чтобы они держались подальше от ее дома и от ее денег. И, естественно, она не доверяла банкам.

– Нам нужно открыть для вас счет в банке, – сказала Патриция.

– Как?

– Предоставьте это мне. – В голове у Патриции уже возник план. – И наденьте чистую рубашку.

Полчаса спустя они уже стояли у стойки Первого Федерального банка на бульваре Коулмана, Джеймс Харрис усердно потел в своей свежей рубашке.

– Могу я поговорить с Дагом Маки? – спросила Патриция девушку, дежурившую за окошком. Она подумала, что это дочь Сары Шенди, но не была в этом уверена.

– Патриция! – раздался голос откуда-то позади нее. Патриция повернулась и увидела Дага, толстошеего и краснолицего, с пузом, которое еле сдерживали три нижние пуговицы

на рубашке. Он шел к ним с широко раскрытыми руками и улыбался. – Говорят, «придет солнышко и к нашим окошечкам», к моему вот точно пришло!

– Пытаюсь помочь моему соседу, Джеймсу Харрису, – сказала Патриция, пожимая пухлую руку, и представила: – Это мой школьный друг Даг Маки.

– Добро пожаловать, сосед, – пророкотал Даг Маки. – Вы не найдете лучшего проводника по Маунт-Плезант, чем Патриция Кэмпбелл.

– У нас несколько деликатная ситуация, – понизив голос, проговорила Патриция.

– А зачем же еще нужна дверь в мой кабинет?

И Даг провел их в свой кабинет, обставленный в духе охотника из Лоукантри³²: кресла отделаны кожей оттенка «бургундский», а на картинах в рамах изображено все, что можно добыть и съесть: птицы, рыбы, олени. Из окна была видна пересекающая бульвар голубая лента Сим-крик.

– Джеймс хочет открыть счет в банке, но все его документы украдены, – сказала Патриция. – Что ему делать? Ему бы хотелось открыть счет сегодня.

Даг наклонился вперед, прижавшись животом к краю стола, и усмехнулся:

– Дорогуша, это совсем не проблема. Ты станешь пору-

---

³² *Лоукантри* (Lowcountry) – географический и культурный регион, включает побережье Южной Каролины и многочисленные острова. Регион богат солончаками и другими прибрежными водоемами, что делает его важным источником биоразнообразия в штате.

чителем. Будешь отвечать за превышение кредита, но получишь полный доступ к счету. Это лучший способ открыть счет твоему приятелю, пока он будет ждать новые документы. Эти ребята из департамента выдачи водительских прав шевелятся так, словно получают почасовую оплату.

– Это как-нибудь отразится на нашем счете? – спросила Патриция, думая, как будет объяснять все это Картеру.

– Не-а, – мотнул головой Даг. – По крайней мере, до тех пор, пока парень не начнет выписывать по всему городу фальшивые чеки.

Они все минуту смотрели друг на друга, затем нервно рассмеялись.

– Я схожу за бланками документов. – Даг вышел из комнаты.

Патриция и поверить не могла, что ей удастся так легко разрешить эту проблему. Она почувствовала облегчение и некоторое самодовольство, как после большого вкусного обеда. Вернулся Даг и склонился над бумагами.

– Откуда ты? – спросил Даг Джеймса не отрываясь от своих бланков.

– Из Вермонта, – ответил Джеймс Харрис.

– И какой первоначальный взнос ты хочешь сделать? – спросил Даг.

– Вот это. – Патриция помедлила, потом протянула ему чек на две тысячи долларов. Было решено, что делать вклад наличными еще рановато, особенно принимая во внимание,

как ужасно Джеймс выглядел сегодня. Он уже отдал ей эти деньги купюрами из сумки, и теперь они жгли ее изнутри кошелька. Ее лицо тоже горело. Губы онемели. Никогда еще она не выписывала чек на такую крупную сумму.

– Отличненько, – сказал Даг ни на секунду не задумавшись.

– Простите, – вмешался Джеймс, – а как вы относитесь к вкладам наличными?

– Очень хорошо, – отозвался Даг не поднимая глаз, так как в этот момент был занят оформлением бумаг. Подышав на печать, он с громким стуком шлепнул ее на бланк.

– Я занимаюсь ландшафтным дизайном, – заявил Джеймс, и Патриция чуть не задохнулась от неожиданности. Он же едва мог выйти за пределы своего дома. – И большинство моих клиентов предпочитают платить наличными.

– Если сумма не превышает десяти тысяч, мы возьмем ее не моргнув глазом, – сказал Даг. – Мы здесь любим денежки. Это вам не Север, где вас заставят прыгать сквозь обруч и петь «Знамя, усыпанное звездами»³³, прежде чем решить, что делать с тем, что и так ваше.

– Это обнадеживает, – улыбнулся Харрис.

Патриция посмотрела на его блестящие от слюны крепкие белые зубы. То, с какой легкостью он врал, заставило ее усомниться во всем, что она сделала для него сегодня утром, и в какой-то момент она даже подумала, что вляпалась по уши

---

³³ «Знамя, усыпанное звездами» – государственный гимн США.

и как бы все это ей не вышло боком.

По дороге домой Джеймс непрестанно благодарил и хвалил ее, несмотря на то что ему становилось все хуже. Дошло до того, что ей пришлось буквально волочить его на себе от фургона до крыльца дома, но и тогда он не прекратил петь ей дифирамбы. Она помогла ему улечься в постель и снять ботинки. Он взял ее руку.

– Никто никогда мне столько не помогал. Вы самый добрый человек из тех, кого я встречал за всю свою жизнь. Вы – ангел, посланный мне в трудную минуту.

Он напомнил ей Картера тех времен, когда они только поженились, когда малейшее усилие с ее стороны – будь то приготовленный кофе утром или бисквитный пирог с орехами на десерт – вызывало бурю восторга и непрекращающиеся гимны в ее честь. Энтузиазм нового знакомого был настолько обезоруживающим, что, когда он спросил, какую книгу ее книжный клуб выбрал для чтения в этом месяце, она произвольно предложила ему присоединиться к ним с подругами.

Мосты округа Мэдисон

Июнь 1993 года

Глава 9

Май мчался все быстрее и быстрее, торопясь к финишной черте школьного года, к экзаменам и табелям успеваемости; Кори вечно делала уроки у кого-то дома, ее забирали, высаживали, оставляли ночевать; вот уже Патриция готовит закуски к домашней вечеринке Блю по поводу окончания учебного года; пришло время выставять оценки самим преподавателям; нужно было успеть оплатить пени за не сданные вовремя библиотечные книги до того, как оформят табели; и вот наконец двадцать восьмого мая все резко прекратилось. Дети получили список литературы для летнего чтения, Академия Албемарл закрыла свои двери – в Олд-Вилладж воцарился июнь.

Дни тонули в полуденном зное, газовые баллоны шипели, когда с них отвинчивали крышки. Солнце палило беспощадно и насекомые постоянно гудели в кустах, ненадолго умолкая лишь между тремя и четырьмя часами утра. Жалюзи на всех окнах были опущены, а все двери плотно закрыты. Каждый дом превратился в загерметизированную косми-

ческую станцию, кондиционеры надрывались, перемешивая воздух и пытаясь держать приемлемо прохладную температуру, холодильники морозили лед, который на протяжении всего дня сыпался и сыпался в стаканы, пока наконец часов в семь вечера, издав скребущий по ушам звук, не выплевывались несколько последних водянистых комочков. Любая физическая активность требовала невероятных усилий, даже думать было утомительно.

Сушая правда, Патриция очень хотела сообщить членам «не-клуба», что пригласила на следующее заседание, которое как раз должно было пройти в ее доме, племянника Энн Сэвидж, но жара иссушала мозг и высасывала все силы, и, когда солнце наконец пряталось за горизонт, едва хватало силы воли, чтобы заставить себя встать и идти готовить ужин, поэтому она все откладывала и откладывала это дело на следующий день, пока не подошло время очередной встречи.

«Ну что ж, может, оно так и лучше», – подумала она.

Когда все расположились в ее гостиной, держа бокалы с вином, воду или холодный чай, промакивая шеи бумажными платочками и обмахивая лица веерами, и стали медленно приходить в себя под струями кондиционера, Патриция решила, что настал подходящий момент кое-что сообщить.

– С тобой все в порядке? – спросила Грейс. – Выглядишь так, как будто сейчас выпрыгнешь из кожи.

– Я вспомнила, что не принесла сырную тарелку, – сказала

Патриция и скрылась на кухне.

У раковины стояла миссис Грин и мыла посуду после ужина Мисс Мэри.

– Собираюсь после ужина искупать Мисс Мэри, – сообщила она. – Чтобы немного ее охладить.

– Конечно. – Патриция достала блюдо с сыром из холодильника и, снимая с него обертку, немного помешкала, раздумывая, сможет ли использовать ее второй раз, затем, решив, что сможет, оставила пластик рядом с раковиной.

Она принесла блюдо в гостиную и только поставила его на деревянный ящик, который они использовали в качестве кофейного столика, как раздался звонок в дверь.

– Ой, – сказала Патриция тоном того, кто не подал сливки к кофе, – забыла предупредить вас, что Джеймс Харрис решил пока остаться в городе и сегодня присоединится к нам. Думаю, никто не возражает?

– Кто? – спросила Грейс, – как всегда, она сидела выпрямив спину и гордо подняв голову.

– Он здесь? – спросила Китти, тоже пытаясь приосаниться.

– Прекрасно! – проворчала Мэриэллен. – Еще один мужик со своим мнением.

Слик осторожно оглядывалась по сторонам, пытаясь понять, как ей отреагировать, но Патриция поспешила выскочить из гостиной.

– Я так рада, что вы смогли прийти, – сказала она, откры-

вая входную дверь.

На Джеймсе была клетчатая рубашка, заправленная в джинсы, белые теннисные туфли и плетеный кожаный ремень. Патриция подумала, что теннисные туфли он надел напрасно, это могло не понравиться Грейс.

– Большое спасибо за приглашение, – сказал он, переступил порог ее дома и остановился. Понизив голос так, что она еле слышала его слова из-за стрекота насекомых, проговорил: – Мне уже удалось положить в банк почти половину суммы. Понемногу каждую неделю. Спасибо вам.

Она едва могла слушать что-либо об их общем секрете, когда там, за стеной в гостиной, сидели все эти люди. Она покрылась гусиной кожей, и голова ее слегка закружилась. Она даже не внесла на их общий с Картером счет те две тысячи триста пятьдесят долларов. Она знала, что должна сделать это, но деньги до сих пор лежали в ее гардеробной, засунутые в пару белых перчаток. Ей так нравилось держать их в руках, что она никак не могла с ними расстаться.

– Давайте не будем выпускать прохладный воздух наружу, – сказала она.

Она ввела Джеймса Харриса в комнату и по вытянувшимся лицам своих подруг тут же осознала, что должна была сделать все те телефонные звонки и предупредить их.

– Итак, всем внимание. Это Джеймс Харрис, – представила она его, надевая на лицо улыбку. – Надеюсь, вы не против того, чтобы наш новый сосед сегодня посидел с нами.

Наступила гробовая тишина.

– Большое спасибо, что позволили мне присоединиться к вашему клубу, – сказал Джеймс Харрис.

Грейс тихо откашлялась в бумажный платочек.

– Что же, – первой ответила Китти. – Присутствие мужчины наверняка оживит наши посиделки. Добро пожаловать, высокий смуглый незнакомец.

Джеймс сел на диван рядом с Мэриэллен, напротив Китти и Грейс. Все дружно сомкнули ноги, подоткнули юбки и выпрямили спины. Китти протянула было к сырной тарелке руку, на секунду замешкалась, убрала ее и положила себе на колени. Джеймс прочистил горло.

– Вы читали книгу этого месяца, Джеймс? – спросила Слик и показала ему обложку своего экземпляра «Мосты округа Мэдисон». – В прошлом месяце мы читали «Хелтер Скелтер», в следующем собираемся прочитать «Незнакомец рядом со мной» Энн Рул, так что в этом месяце у нас небольшая передышка.

– У вас, леди, довольно странный подбор книг.

– У нас вообще довольно странное женское общество, – отозвалась Китти. – Патриция говорит, вы собираетесь жить здесь даже после того, что сделала с ней ваша тетя?

Патриция поправила волосы у левого уха и открыла рот, чтобы сказать что-нибудь милое.

– Фактически бабушка, – поправил Джеймс, прежде чем Патриция успела вмешаться. – Я внучатый племянник мис-

сис Сэвидж.

– Ну, это в корне меняет дело, – усмехнулась Мэриэллен.

– Я не понимаю, почему вас не смущает ее дурная слава, – удивилась Китти.

– Долгое время я искал сообщество, похожее на ваше, – с улыбкой сказал Джеймс. – Не просто соседство, а именно настоящее сообщество единомышленников, сообщество, защищенное от хаоса и скоротечных перемен внешнего мира, где признают настоящие семейные ценности, где дети могут целый день гулять на улице без присмотра, пока их не позовут к ужину. И как раз в тот момент, когда я готов был сдаться и думал, что мне никогда не найти подобного места, я приехал сюда, чтобы ухаживать за своей старенькой тетушкой, и нашел то, что так долго искал. Считаю, что мне крупно повезло.

– А вы уже присоединились к церковному сообществу? – спросила Слик.

– А миссис Харрис вскоре тоже присоединится к вам? – в то же время спросила Китти.

Обращаясь к Китти, Джеймс ответил:

– Нет. Никакой миссис Харис, никаких детей, никакой семьи. За исключением старенькой тетушки Энни.

– Это странно, – заметила Мэриэллен.

– А к какой вере вы принадлежите? – снова спросила Слик.

– Что вы читаете? – опять перебила ее Китти.

– Камю, Айн Рэнд, Германа Гессе, – ответил Джеймс. – Я люблю философию. – Он улыбнулся Слик. – И я боюсь, что не принадлежу ни к одной организованной религиозной общине.

– Значит, вы никогда серьезно не задумывались над этим вопросом, – сказала Слик.

– Герман Гессе? – переспросила Китти. – Кажется, на уроках английского Пони читал «Степного волка». Это то, что нравится мальчикам.

Всей своей очаровательной улыбкой Джеймс повернулся к Китти.

– А Пони – это?..

– Это мой старший сын. Его отца зовут Хорс, поэтому младшего мы зовем Пони³⁴, еще есть Хани, она старше Пони на год, затем Пэриш, которому этим летом исполнится тринадцать, но он уже сводит нас всех с ума. И Лейси с Мерит, которые бесятся, если даже просто оказываются в одной комнате.

– А чем занимается Хорс? – спросил Джеймс.

– Занимается? – переспросила Китти и прыснула в кулак. – Нельзя сказать, что он занимается. Или занимается чем-то конкретным. Мы живем на ферме Сиви, а там постоянно требуется то чистить заросли, то сжигать то, что вычистил, то что-то ремонтировать. Я хочу сказать, что, когда жи-

---

³⁴ В английском языке написание имени Хорс (*англ.* Horse) совпадает с написанием слова «лошадь».

вещь в таком месте, как наше, приходится трудиться с утра до ночи, чтобы крыша не обвалилась тебе на голову.

– Когда-то в Монтане мне приходилось управлять недвижимостью, – сказал гость. – Возможно, ваш муж, Хорс, мог бы меня многому научить.

«Монтана?» – удивилась про себя Патриция.

– Хорс? Научить? – рассмеялась Китти и повернулась к остальным. – Я еще не рассказывала вам о пиратском кладе Хорса? Несколько лет назад появился какой-то прохиндей, которому нужны были инвестиции на поиски пиратских сокровищ, или артефактов конфедератов, или еще чего-то столь же невероятного. У них была шикарная презентация со слайдами и очень красивые папки с бумагами – и этого хватило, чтобы Хорс выписал им чек.

– Лиланд предупреждал его, что это мошенничество, – сказала Слик.

– Лиланд? – заинтересовался Джеймс.

– Мой муж, – объяснила Слик, и все внимание Джеймса переключилось на нее. – Он застройщик.

– Я бы вложил деньги в недвижимость. Если найдется какой-нибудь надежный проект.

Грейс сидела с каменным лицом, и Патриции очень, очень хотелось, чтобы все перестали говорить о деньгах и поговорили о чем-то еще.

– В настоящий момент мы работаем над очень интересным проектом, который называется Грейшиос-Кей, – про-

сияла Слик. – Это закрытый коттеджный поселок на севере, неподалеку от Сикс-Майл. Он поистине оживит окружающую обстановку. Закрытые поселки позволяют вам самим выбрать себе соседей, – таким образом, вокруг оказываются только те люди, которых вы сами хотели бы видеть около вас и ваших детей. Я надеюсь, что к концу века все мы будем жить в подобных закрытых поселках.

– Мне бы хотелось побольше узнать об этом, – сказал Джеймс, что заставило Слик потянуться к своей сумочке и достать оттуда визитную карточку.

– Откуда вы, мистер Харрис? – спросила Грейс.

Патриция хотела было объяснить, что Джеймс родился в семье военного и ему пришлось поколесить по всей стране, когда он коротко сказал:

– Я вырос в Южной Дакоте.

– Думала, ваш отец был военным, – удивилась Патриция.

– Да, был, – кивнул Джеймс. – Но он закончил свою карьеру, когда находился в Южной Дакоте. Мои родители развелись, когда мне было десять, и меня воспитывала мать.

– Если допрос окончен и все удовлетворили свое любопытство, – сказала Мэриэллен, – я бы хотела приступить к обсуждению книги этого месяца.

– Ее муж – офицер полиции, – понизив голос, пояснила Джеймсу Слик. – Вот почему она столь прямолинейна. Между прочим, не хотели бы вы в это воскресенье посетить службу в церкви Святого Иосифа?

Не дав ему ответить, Мэриэллен резко проговорила:

– Пожалуйста, не могли бы мы наконец-то разделаться с этой книгой?

Слик послала Джеймсу улыбку, говорящую: «Позже мы еще обсудим это», и обратилась к Мэриэллен:

– Неужели тебе не понравились «Мосты округа Мэдисон»? После книги прошлого месяца я испытала истинное облегчение. Простая добрая старомодная история любви женщины и мужчины.

– Который явно серийный убийца, – произнесла Китти не сводя глаз с Джеймса Харриса.

– Я думаю, мир меняется с такой бешеной скоростью, что людям необходима простая, полная надежд история, – продолжала Слик.

– О психопате, который переезжал из города в город, соблазнял женщин, а потом убивал их, – добавила Китти.

– Ну-у, – протянула Слик, потрясенно перебирая свои записи, и откашлялась. – Мы выбрали эту книгу, поскольку она рассказывает о силе притяжения, которое может возникнуть между совершенно незнакомыми друг с другом людьми.

– Мы выбрали эту книгу, чтобы ты наконец перестала нам ее предлагать, – уточнила Мэриэллен.

– Я не думаю, что в книге достаточно доказательств того, что главный персонаж действительно был серийным убийцей. – Слик посмотрела на Китти.

Та подняла свой экземпляр книги, пестрящий ярко-розо-

выми закладками, и помахала им в воздухе.

– У него нет ни семьи, ни корней, ни прошлого. Он даже не ходит в церковь. В современном мире это выглядит более чем подозрительно. Вы видели новые водительские права? На них нанесена голограмма. А я помню времена, когда это был всего лишь кусок картона. Мы уже не то общество, что позволяет людям без какого-то определенного места жительства беспрепятственно болтаться по дорогам. Больше не такое.

– Но у него был постоянный адрес, – возразила Слик, на что Китти закатила глаза.

– Он прибывает в город, и вы заметили, что он ни с кем не разговаривает? Но он намечает своей целью эту Франческу, которая совершенно одинока, и это как раз то, что нужно таким, как он. Такие мужчины выбирают именно таких женщин, беззащитных и доверчивых, и организуют как бы «случайную» встречу, и ведут себя так мило, так соблазнительно, что женщины тают и приглашают их в свой дом. Но когда он приезжает к ней, он очень осмотрителен, никто не видит, где он паркует свой автомобиль. Затем он ведет ее наверх и целыми днями делает там с ней, что хочет.

– Это романтическая история, – настаивала Слик.

– Я думаю, у него не все дома, – сказала Китти. – Этот Роберт Кинкейд использует фотоаппарат как своего рода приманку, он играет народные песни на гитаре, нам рассказывают, что, будучи еще ребенком, он пел песни, что поют

во французских кабаре, и покрывал стены своей комнаты надписями, которые находил «приятными для слуха». Могу представить себе его бедных родителей!

– А что думаете вы? – обратилась Мэриэллен к Джеймсу Харрису. – Я никогда не встречала мужчину без собственного мнения. Роберт Кинкейд – романтик, американская икона или бродяга, убивающий женщин?

Джеймс Харрис одарил всех застенчивой ухмылкой.

– Совершенно ясно, что я читал совершенно другую книгу. Она в корне отличается от той, что вы тут обсуждаете, леди. Но сегодня я узнал много всего интересного. Пожалуйста, продолжайте.

«По крайней мере, он старается», – подумала Патриция. Все остальные, казалось, прямо из кожи лезли, пытаясь быть как можно более неприятными.

– Из «Мостов» мы можем вынести, – сказала Мэриэллен, – что мужик всегда перетягивает одеяло на себя. Описание всей жизни Франчески занимает менее одной страницы. Она родила и растила детей, она пережила Вторую мировую войну в Италии, а всё, что сделал он, это развелся, – ну, если верить Китти, еще убивал людей, – но про него мы читаем снова и снова, страницу за страницей, главу за главой.

– Ну, он же и есть главный герой, – заступилась Слик.

– А почему всегда главным героем должен быть мужчина? – снова возмутилась Мэриэллен. – Жизнь Франчески не менее интересна, чем его.

– Женщины всегда говорят то, что думают, – сказала Слик. – Им не надо ждать приглашения. А в Роберте Кинкейде сокрыта глубина.

– Ну да, – кивнула Китти. – Кому приходилось стирать подштанники своих мужей – прекрасно понимает, какая глубина там сокрыта.

– Он... – Слик замолчала, подбирая слово. – Он – вегетарианец. Я думаю, что никогда не встречала ничего подобного.

Благодаря Блю Патриция точно знала, что сейчас скажет Китти.

– Гитлер был вегетарианец, – подтвердила ее догадку Китти. – Патриция, ты бы изменила мужу с незнакомцем, появившимся на твоём крыльце в полном одиночестве, только потому, что он вегетарианец? Ты бы, наверное, по крайней мере, захотела проверить его водительское удостоверение, не так ли?

Патриция увидела, что Грейс с напряженным вниманием смотрит прямо на нее с другого конца комнаты. Потом заметила, что Слик тоже уставилась на нее, но тут поняла, что обе они смотрят на входную дверь за ее спиной. Полная мрачных предчувствий, она обернулась.

Насквозь мокрая и совершенно голая Мисс Мэри стояла в дверном проеме.

– Я нашла твою фотографию, Хойт, – скрипучим голосом проговорила она.

Сначала Патриция подумала, что на свекрови какая-то простыня телесного цвета, фалдами свисающая с ее плеч, но потом взгляд сконцентрировался на варикозных венах, покрывающих бедра, багровых росчерках на отвисших грудях, вялом морщинистом животе и редких седых волосах на лобке. Это было похоже на труп, выброшенный на берег.

Пять долгих жутких секунд никто не двигался.

– Где деньги моего отца? – яростным, срывающимся голосом закричала Мисс Мэри, не спуская глаз с Джеймса Харриса. – Куда пропали дети, Хойт?

Голос эхом отражался от стен комнаты, а похожая на ведьму из ночных кошмаров женщина размахивала перед собой маленьким белым квадратом картона.

– Думал, никто не узнает тебя, Хойт Пикенс?! – выла она. – Но у меня есть фотография!

Патриция вылетела из своего кресла, схватила со спинки пушистый голубой вязаный плед и быстро укутала в него Мисс Мэри. Вырываясь из пледа, та продолжала размахивать фотографией.

– Посмотри! – хрипела она. – Посмотри на него!

Патриция, стараясь удержать ее в середине голубого кокона, туже стягивала углы пледа – и вот рука с фото оказалась прямо перед лицом самой Мисс Мэри, и оно как-то сразу обмякло.

– Нет! – прохрипела она. – Нет, неверно. Не этот.

Из холла в комнату вбежала перепуганная миссис Грин.

– Простите, ради бога!

– Ничего страшного, – проговорила Патриция, продолжая скрывать наготу Мисс Мэри от тех, кто находился в гостиной.

– Я отошла ответить на телефонный звонок, – оправдывалась миссис Грин, обнимая Мисс Мэри за плечи через плед. – Всего лишь на секунду.

– Всё в порядке, – сказала Патриция достаточно громко, чтобы все в комнате тоже услышали это. Она и миссис Грин вывели Мисс Мэри за дверь гостиной.

– Неверно, – растерянно повторяла Мисс Мэри, покорно покидая гостиную, весь ее воинственный пыл спал. – Не тот.

Всю дорогу до комнаты-из-гаража миссис Грин не переставала говорить, как она сожалеет о случившемся. Мисс Мэри, пока ее вытирали полотенцами, продолжала прижимать к груди фотоснимок и не выпустила его, даже когда миссис Грин уложила ее в кровать. Патриция пошла обратно в гостиную, но столкнулась со всеми в холле. Джеймс Харрис говорил о своих планах заехать на ферму Сиви, чтобы обсудить что-то с Хорсом, посетить службу в церкви Святого Иосифа и познакомиться с Лиландом. Патриция хотела спросить Грейс, почему та весь вечер была столь молчалива, но, пока приносила извинения всем за случившееся, подруга тихонько выскользнула за дверь. Потом и вся толпа вытекла на улицу, оставив Патрицию в полном одиночестве.

– Что здесь происходит? – окликнула ее Кори с верхней

площадки лестницы. – Почему кричала бабушка Мэри?

– Ничего страшного. Она слегка обозналась.

Патриция вышла на крыльцо и увидела, как передние фары автомобиля Китти выворачивают с подъездной дорожки. Она отметила про себя, что завтра надо всем позвонить и извиниться еще раз, затем вернулась в гаражную комнату.

Мисс Мэри лежала на своей больничной кровати, все так же прижимая к груди снимок. Миссис Грин сидела рядом, видимо желая особой бдительностью загладить свой проступок.

– Это он, – шептала Мисс Мэри. – Это он. Я знаю, где-то у меня есть эта фотография.

Патриция вытянула картонку из пальцев свекрови. Это был старый черно-белый снимок священника, окруженного толпой угрюмых детей, сжимающих в руках пасхальные корзинки, они стояли на фоне церкви, которую Мисс Мэри посещала в Кершо.

– Я найду ее. – В доносившемся с кровати шепоте звучало обещание. – Я найду ее. Я точно знаю это.

Глава 10

Пока Мисс Мэри засыпала, Патриция сидела рядом, убеждая миссис Грин в том, что не винит ее в случившемся. После того как дыхание старушки выровнялось и стало глубоким, Патриция проводила сиделку и долго смотрела вслед удаляющимся фонарям ее машины, стоя на подъездной дорожке. «Как так вышло, что сегодня все пошло не так?» – думала она. Частично в этом была и ее вина. Она устроила гостям засаду, неожиданно предъявив Джеймса Харриса, а они, в свою очередь, устроили засаду ему. Частично была виновата книга. Она всех страшно раздражала, но иногда они потакали Слик, потому что чувствовали к ней некоторую жалость. Но главная причина была в Мисс Мэри. «Становится слишком сложно, справимся ли мы?» – размышляла Патриция. Если Картер придет сегодня до одиннадцати, она обязательно обсудит это с ним.

Непереносимо жаркий порыв ветра налетел из гавани и наполнил вечер шорохом бамбуковых листьев. Воздух казался тяжелым и плотным, и пришла мысль, что, возможно, это и вызывает во всех какое-то непонятное беспокойство. Дубы над головой раскачивались, их ветви описывали в воздухе круги и разные замысловатые фигуры. Одиноким уличным фонарь в конце подъездной дорожки отбрасывал тонкий серебристый конус, который делал ночь вокруг еще чернее, и

Патриция почувствовала себя беззащитной. Ей померещился запах использованных памперсов и тухлой кофейной гущи, привиделась миссис Сэвидж в розовой ночной рубашке, сидящая на корточках и запихивающая в рот сырое мясо, и голая, словно освежеванная белка, Мисс Мэри, с волосами, по которым струится вода, размахивающая перед собой совершенно бесполезной фотографией, и Патриция бросилась к входной двери, с силой вырвала ее у ветра, захлопнула и задвинула засов.

Сначала на кухне, а потом и по всему дому раздался дребезжащий звук. Не сразу Патриция осознала, что это телефон.

– Патриция? – сказали на том конце, когда она подняла трубку. Помехи мешали узнать голос. – Это Грейс Кавана. Прости, что звоню так поздно.

В трубке что-то потрескивало. Сердце Патриции все еще бешено колотилось.

– Совсем не поздно. – Патриция попыталась успокоиться. – Мне очень жаль, что все так получилось.

– Я звоню спросить, как там Мисс Мэри.

– Она спит.

– И хотела тебе сказать, что мы всё понимаем. Со стариками такое случается.

– Прости за Джеймса Харриса. Я действительно хотела рассказать про него заранее, но как-то откладывала и откладывала...

– Лучше бы его там не было. Мужчины не понимают, как это – ухаживать за пожилыми родственниками.

– Ты сердишься на меня? – За все пять лет их дружбы это был первый прямой вопрос, который она осмелилась задать Грейс.

– А почему я должна на тебя сердиться?

– Из-за Джеймса Харриса.

– Мы с тобой не школьницы, Патриция. Я считаю, что вечер был испорчен из-за книги. Спокойной ночи.

Грейс оборвала разговор.

Патриция постояла на кухне с трубкой в руках, потом положила ее на рычаг. Почему Картера здесь нет? Это его мать. Ему нужно было увидеть ее такой, чтобы понять: им срочно требуется помощь. Ветер дребезжал окнами кухни, и больше не хотелось оставаться одной внизу.

Патриция поднялась по лестнице и осторожно постучалась в дверь Кори, одновременно распахивая ее. Свет был выключен, и в комнате было темно, что несколько озадачило Патрицию. Чего ради Кори так рано легла спать? Дверь открылась пошире, и свет из коридора упал на кровать. Она оказалась пуста.

– Кори? – позвала Патриция, вглядываясь в темноту.

– Мам, – отозвалась Кори из тени за гардеробом. – У нас на крыше кто-то есть.

Холодная вода пробежала по венам Патриции. Она вошла из освещенного коридора в спальню Кори и остановилась

сбоку от двери.

– Где? – прошептала она.

– Над комнатой бабушки, – в ответ прошептала Кори.

Какое-то время они обе стояли пораженные страхом, пока Патриция не осознала, что она единственный мыслящий здраво взрослый в этом доме и потому должна что-то предпринять. Она заставила себя подойти к окну.

– Смотри, чтобы он не увидел тебя, – сказала Кори.

Патриция постаралась встать прямо напротив окна, ожидая увидеть мужской силуэт на фоне звездного неба, но видела лишь темные четкие очертания крыши с зарослями бамбука позади нее. Она подпрыгнула, неожиданно услышав рядом с собой голос Кори:

– Я видела его. Клянусь, я видела.

– Теперь там никого нет.

Она подошла к двери и включила верхний свет. Несколько секунд они стояли ослепленные, пока не привыкли глаза. Первое, что увидела Патриция, была полупустая миска со старыми хлопьями, стоящая на подоконнике: кукурузные хлопья с молоком уже засохли, превратившись в кирпич. Патриция хотела сказать, чтобы дочь не таскала еду в комнату, но та выглядела такой испуганной и беззащитной, что она промолчала.

– Надвигается буря, – сказала вместо этого она. – Я не буду выключать свет в коридоре и оставлю дверь в твою комнату открытой, чтобы папа, когда вернется, не забыл поже-

лать тебе спокойной ночи.

Она подошла к кровати и откинула стеганое одеяло.

– Не хочешь почитать? – спросила она, и тут ее взгляд упал на синий пластиковый ящик, который Кори использовала вместо тумбочки. Поверх журналов, которые обычно читают девчонки ее возраста, лежал «Жребий Салема» Стивена Кинга. Все встало на свои места.

Кори перехватила ее взгляд.

– Я ничего не придумала, – обиженно сказала она.

– Конечно, нет, – ответила Патриция.

Обезоруженная отказом матери вступать в спор, Кори легла в кровать. Патриция включила ночник, выключила большой свет и вышла из комнаты, оставив дверь открытой.

Блю уже лежал в кровати в своей спальне, натянув одеяло до ушей.

– Спокойной ночи, Блю, – не заходя в его темную комнату, сказала Патриция.

– На заднем дворе прячется какой-то дядька.

– Это ветер, – начала успокаивать сына Патриция, пробираясь между разбросанной одеждой и игрушками к его кровати. – Это из-за него дом кажется таким страшным. Хочешь, я оставлю свет включенным?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.